

Борьба с
терроризмом 9

ЗАПРЕТ ПЫТОК И
ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ,
БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ И
УНИЖАЮЩИХ
ДОСТОИНСТВО
ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ИМЯ ПРАВОСУДИЯ
СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Модуль 9

**ЗАПРЕТ ПЫТОК И ДРУГИХ
ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ И
УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО
ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ**

Организация Объединенных Наций
Вена, 2019

Этот модуль является ресурсом для преподавателей.

Этот модуль, разработанный в рамках инициативы «Образование для Правосудия»(E4J), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) и является частью серии учебных модулей «Образование для правосудия» (E4J) и сопровождается учебным пособием. Полный спектр материалов «Образование для правосудия» E4J включает в себя университетские модули по вопросам честности и этики, предупреждения преступности и уголовного правосудия, борьбы с коррупцией, организованной преступности, торговли людьми / незаконного ввоза мигрантов, огнестрельного оружия, киберпреступность, охраны дикой природы, лесных и рыболовных преступлений, а также борьбы с терроризмом.

Все модули в серии модулей университета «Образование для правосудия» E4J содержат предложения для выполнения в классе упражнений, оценки учащихся, слайды и другие учебные пособия, которые преподаватели могут адаптировать к своему контексту и интегрировать в существующую учебную программу. Модуль предоставляет план для трехчасового занятия, но может использоваться для более коротких или более длительных занятий.

Все университетские модули «Образование для правосудия» E4J участвуют в действующих научных исследованиях и дебатах и могут содержать информацию, мнения и заявления из различных источников, включая сообщения прессы и независимых экспертов. Ссылки на внешние ресурсы были проверены на момент публикации. Однако, поскольку сторонние веб-сайты могут измениться, пожалуйста [contact us](#), если вы столкнулись с неработающей ссылкой или перенаправлены на неприемлемый контент. Также сообщите нам, если вы заметили, что публикация связана с неофициальной версией или веб-сайтом.

Несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точного перевода модуля, обратите внимание, что модуль на английском языке является утвержденной версией. Поэтому в случае сомнений, пожалуйста, обратитесь к первоисточнику в английской версии.

Ознакомиться с условиями использования Модуля можно на [веб-сайте E4J](#).

© Организация Объединенных Наций, 2019. Все права защищены.

Используемые обозначения и представление материалов в этой публикации не подразумевают выражения какого-либо мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или ее органов власти, или относительно разграничения его границ.

Данная публикация не была официально отредактирована.

Содержание

Введение	2
Результаты обучения	2
Ключевые вопросы.....	3
Международные инструменты в области прав человека	5
Международный пакт о гражданских и политических правах	5
«Пытки»	6
«Жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания»	8
Бремя доказательства	10
Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания	11
Ключевые концепции	11
Требования участия должностного лица	12
Отличие «пыток» от «других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания»	13
Сопутствующие обязательства для государств.....	14
Принцип недопустимости принудительного возвращения (невысылки)	17
Региональные документы по правам человека	18
Африканский регион.....	18
Американский регион	20
Европейский регион	23
Азиатский регион	26
Ближний Восток и регион Персидского залива	27
Международное гуманитарное право	28
Вооруженный конфликт	28
Международное уголовное право	30
Международный уголовный суд	32
Наказание осужденных террористов в виде смертной казни	34
Упражнения и тематические исследования (кейсы)	37
Упражнение 1: Опрос с помощью мобильного телефона (см. Методическое пособие)	37
Упражнение 2: Опрос с помощью мобильных телефонов или сервиса Plickers (см. Методическое пособие).....	38
Кейс 1: Принцип невысылки.....	38
Кейс 2: Запрет пыток в контексте Африки	39
Кейс 3: Бесчеловечное обращение	43

Кейс 4: Отличия пыток от других форм плохого обращения	43
Кейс 5: Допустимость доказательств, полученных под пыткой	45
Кейс 6: Феномен «камеры смертников» и одиночное заключение	46
Дело Полай Кампоса**	46
Возможное построение занятия	47
Основная литература	48
Дополнительная литература.....	49
Оценка учащихся	52
Вопросы для оценки	52
Дополнительные учебные инструменты	53
Кейсы	53
Инструменты.....	53
Другие источники.....	55
Библиография	55

Введение

В данном Модуле рассматривается еще одно основополагающее право человека, имеющее крайне важное значение в контексте контртеррористических мер (например, во время сбора разведывательной информации), а именно запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. В Модуле изучаются основные международные и региональные правовые рамки, применяемые как в мирное время, так и в ситуациях вооруженного конфликта, а также ряд современных вызовов в отношении прав, закрепленных в них, и соответствующих обязательств, возлагаемых на государства.

Результаты обучения

- Понимание основных международных и региональных правовых рамок, регулирующих запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, применяемых как в мирное время, так и в ситуациях вооруженного конфликта.
- Обсуждение проблем дефиниций и различных подходов, связанных с запретом на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения.
- Рассмотрение различных форм, которые может приобретать данный запрет в контексте противодействия терроризму.

Ключевые вопросы

Запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания - в дальнейшем именуемые в настоящем Модуле как «пытки и жестокое обращение»* за исключением случаев, когда существуют различия между пытками и другими видами жестокого обращения – является абсолютным как в рамках договоров, так и обычного международного права. Он входит в категорию норм *jus cogens*, которые действуют в любое время, будь то мирное время или ситуация вооруженного конфликта, что делает этот принцип не допускающим отступлений даже в период чрезвычайного положения (см. Модули 3 и 7). Такой общеправовой характер является особенно важным для тех государств, которые в силу различных причин, например, сохранения смертной казни, не ратифицировали [Международный пакт о гражданских и политических правах 1996 года](#) (МПГПП) или [Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#) (КПП ООН), рассматриваемых в рамках данного Модуля, поскольку он, тем не менее, налагает на них международные обязательства в этом отношении.

Государства несут как положительные, так и негативные правовые обязательства в этой связи: положительные обязательства заключаются в том, чтобы прилагать все разумные усилия (например, посредством законодательных, судебных и административных мер, а также обучения) для недопущения пыток со стороны государственных служащих и в некоторых случаях также и со стороны негосударственных акторов, а также для эффективного расследования любых заявлений о применении пыток и жестокого обращения; а негативные обязательства государств заключаются в том, чтобы самим воздерживаться от действий, которые могут нарушать запрет пыток и жестокого обращения. Такие обязательства четко регламентируются, например, в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Несмотря на абсолютный характер этого базового права человека, его нарушения, тем не менее, могут иметь место в контексте противодействия терроризму, в том числе из-за внутренних противоречий между удовлетворением законных требований безопасности и обеспечением полного уважения верховенства права (УВКПЧ, 2017). Иногда это относится к так называемой парадигме «бомбы замедленного действия», в соответствии с которой существует реальная угроза террористического акта, например, неминуемого взрыва бомбы, который вероятно приведет к гибели большого числа мирных жителей и ущербу имуществу, при этом один из предполагаемых террористов взят под стражу полицией или службами разведки. Иногда государства пытаются обосновать применение некоторых спорных или даже запрещенных методов необходимостью: к тому времени как задержанный подозреваемый будет должным образом предупрежден о последствиях, обеспечен полагающимися ему/ей правами и допрошен, бомба, вероятнее всего, уже взорвется. Этот сценарий использован в одном из предлагаемых упражнений дальше в этом Модуле.

Важно отметить, что, несмотря на свой абсолютный правовой характер и существование специальной КПП ООН, единого универсально согласованного определения пыток не существует. Примером тому являются различные международные и региональные

* Далее по тексту при указании пыток и жестокого обращения подразумеваются также и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания

подходы к определениям, рассматриваемые ниже. Одна из особых трудностей заключается в характере пыток, который зачастую тесно связан с другими видами жестокого, бесчеловечного и унижающего обращения, в силу чего не всегда представляется возможным определить точные пересекающиеся критерии. Тем не менее, эти различные категории обращения по-прежнему различаются с юридической точки зрения, и зачастую в их отношении установлены отдельные пороговые критерии, которые позволяют определить, имели ли место конкретные нарушения или нет.

В данном Модуле изучаются применимые международные и региональные правовые рамки и связанные с ними подходы к определениям. Помимо рассмотрения применимых правовых документов, в нем изучается действие этих рамок на практике, в том числе примеры некоторых проблем, которые могут возникнуть в связи с соблюдением принципа верховенства права и прав человека в контексте противодействия терроризму, например при использовании незаконных принудительных методов допроса. Помимо этого, в Модуле приводятся более широкое обсуждение и судебная практика в отношении потенциального нарушения запрета на применение пыток и жестокого обращения посредством назначения смертного приговора в качестве наказания для осужденных террористов, в том числе феномен «камеры смертников», который обсуждался в Модуле 8.

Право, регулирующее применение пыток и жестокого обращения в контексте противодействия терроризму, также имеет непосредственную связь с другими важными правами, гарантиями и обязательствами, рассматриваемыми в рамках серии модулей E4J для ВУЗов, в частности принципом невысылки (см. Модули 3 и 10); правом на жизнь, которое может быть нарушено в самых экстремальных случаях жестокого обращения (см. Модуль 8); принципом гуманного обращения с лицами, лишёнными свободы (см. Модуль 10); правом на справедливое судебное разбирательство в случаях, когда свидетельства, полученные с помощью пыток и жестокого обращения, используются для обвинения в суде (см. Модуль 11); и принципом недискриминации (см. Модуль 13). Более того, нарушения могут затронуть важные вопросы ответственности и безнаказанности в соответствии с национальным и международным уголовным правом в отношении лиц, совершивших нарушения, а также в отношении государств согласно доктрине об ответственности государств за противоправные действия и бездействия. Немаловажно, как это обсуждалось в Модуле 4 о подходах системы уголовного правосудия, в самых экстремальных обстоятельствах – таких, при которых практика применения пыток является частью официальной и распространённой политики государства по противодействию терроризму или инструментом террора, используемым негосударственными террористическими акторами – акты пыток и жестокого обращения могут квалифицироваться как преступления против человечества или военные преступления или являться неотъемлемым элементом политики и практики, направленной на геноцид.

Международные инструменты в области прав человека

Международный пакт о гражданских и политических правах

Несмотря на то, что, как уже упоминалось, общепринятого международного определения пыток и жестокого обращения нет, существует определённый консенсус в отношении ключевых характеристик этого явления. Это отражается в тексте [Международного пакта о гражданских и политических правах](#) (МПГПП), представляющего собой первый договор по правам человека, который прямо включает такой запрет. В статье 7 говорится, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

Как предусматривается статьей 4(2) МПГПП, отражающей его характер *jus cogens*, отступление от статьи 7 недопустимо ни при каких обстоятельствах, даже в ситуациях чрезвычайного положения, в том числе обусловленных террористическими актами. Это было подтверждено Комитетом по правам человека ООН в Замечании общего порядка № 20 по статье 7 (A/44/40), в котором говорится, что «никакие оправдания или смягчающие обстоятельства не могут приводиться в качестве основания для нарушения статьи 7 по любым причинам, включая приказ вышестоящего должностного лица или органа государственной власти» (п. 3).

Предметно-материальное содержание запрета в статье 7 дополняется положительными требованиями статьи 10(1) МПГПП. Согласно им, «все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» вне зависимости от цели их содержания под стражей. По сути, статьей 10 запрещены менее серьезные виды обращения по сравнению с теми, которые запрещены статьей 7. Ряд различных факторов по отдельности или в совокупности могут способствовать созданию условий содержания под стражей, попадающих под определение унижающего достоинство обращения:

- Переполненные камеры или условия содержания;
- Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия;
- Нехватка питьевой воды и продуктов питания;
- Распространение инфекционных заболеваний, когда власти не принимают разумные меры для предотвращения их распространения;
- Недостаточная вентиляция и естественное освещение;
- Ограниченное наличие или недоступность возможностей для спортивных занятий и отдыха заключенных.

В целом, условия содержания под стражей не должны подвергать заключенных тяготам помимо тех, которые являются результатом их лишения свободы (*Ксирос против Греции*, 2010).

И хотя статья 10 не является одной из тех, отступления от которых запрещаются статьей 4 МПГПП, Комитет по правам человека придерживается мнения, что на практике статья

10(1) отражает общую норму международного права, отступление от которой недопустимо (А/44/40). Более того, работа Комитета указывает на определённую общность между применением статьи 7 и статьи 10(1) в том, что нарушения обеих статей могут быть обоснованы в определённых ситуациях.

Последствия ненадлежащих условий содержания под стражей для осуществления права на справедливое судебное разбирательство

Рабочая группа по произвольным задержаниям ООН (E/CN.4/2005/6, п. 69-70)* отметила, что ненадлежащие условия содержания под стражей могут представлять собой не только негуманное обращение, но также неблагоприятно влиять на осуществление права на справедливое судебное разбирательство.

Условия содержания под стражей оказывают влияние на обеспечение равенства сторон обвинения и защиты. «Когда условия содержания являются настолько неадекватными, что серьезно ослабляют лицо, подверженное досудебному задержанию, и тем самым приводят к нарушению принципа равенства, справедливое судебное разбирательство уже не может быть обеспечено, даже если в остальных отношениях гарантии его обеспечения тщательно соблюдаются». Рабочая группа дополняет, что она «в полной мере сознает, что неадекватные инфраструктура, питание, гигиена и медицинская помощь в центрах задержания многих стран частично обусловлены экономическими трудностями, с которыми сталкиваются их правительства. Тем не менее, правительства несут ответственность за обеспечение того, чтобы условия содержания под стражей не вели к нарушению прав человека».

«Более того, досудебное задержание становится произвольным, если условия содержания побуждают к самооговору или – что еще хуже – превращают досудебное содержание в своего рода предварительное наказание в нарушение презумпции невиновности».

* ООН, Экономический и Социальный Совет, Комиссия по правам человека (2004). [Гражданские и политические права: вопросы пыток и задержаний. Доклад рабочей группы по произвольным задержаниям, Лейла Зерруги](#). 1 декабря. E/CN.4/2005/6.

«Пытки»

В МПГПП не содержится определения пыток. В этом отношении Комитет по правам человека в отличие от региональных документов (также обсуждаемых в настоящем Модуле) не считает «необходимым разрабатывать перечень запрещенных действий или устанавливать четкие разграничения между различными формами наказания или обращения; эти разграничения зависят от характера, цели и жестокости применяемого обращения» (А/44/40, п. 4). Наоборот, он поясняет, что при определении того, была ли нарушена статья 7, необходимо оценить «все обстоятельства дела, в том числе длительность и порядок обращения, его физическое или психическое воздействие, а также пол, возраст и состояние здоровья жертвы». Такие характеристики как возраст или пол жертвы могут усугубить последствия конкретного вида обращения, тем самым распространяя на него сферу действия данной статьи. Не менее важным Комитет считает распространение статьи 7 не только на действия, которые могут причинить жертве физическую боль, но и действия, вызывающие психологические страдания (п. 5).

Отражая частое пересечение пыток и других форм жестокого обращения, общий подход Комитета заключается в том, чтобы не утверждать, какой именно элемент запрета был нарушен, а лишь констатировать более широкое нарушение статьи 7 МПГПП. Тем не менее, Комитет успешно разработал круг вопросов, охватываемых этим запретом, не прибегая к фактическому определению его элементов. При этом в случаях, когда проведение различий между разными видами жестокого обращения является необходимым или целесообразным, Комитет дает следующую рекомендацию: «главным различием между пыткой, с одной стороны, и другими жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство видами обращения и наказания, с другой стороны, является наличие или отсутствие соответствующего целенаправленного элемента» (Соображения Комитета по правам человека ССР/С/101/Д/1761/2008, п. 7.5; Соображения Комитета по правам человека ССР/С/104/Д/1755/2008/Rev1, п. 2.3). Термин «соответствующий целенаправленный элемент» связан с определением пыток в статье 1 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#) (КПП ООН), согласно которой «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или моральное, *чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера...*» (добавлен курсив).

При толковании статьи 7 МПГПП (которая запрещает пытки и жестокое обращение) Комитет по правам человека время от времени руководствуется статьей 1 Конвенции против пыток (обсуждается далее). Например, в деле *Джири против Непала* (ССР/С/101/Д/1761/2008), вновь подтвердив, что он не считает необходимым устанавливать четкие разграничения между пытками и другими различными формами наказания или обращения, Комитет счел целесообразным четко определить пытки, если это обосновано фактами, используя при проведении такой оценки в качестве руководства элементы, сформулированные в статье 1 КПП ООН. МПГПП не требует наличия какой-либо степени согласия или участия государственного должностного лица в деянии, чтобы оно достигло определённого порога, позволяющего квалифицировать его в качестве пыток и жестокого обращения. Так, «государство-участник обязано путем принятия законодательных и других необходимых мер обеспечивать защиту любого лица от действий, запрещенных в статье 7, независимо от того, совершаются ли эти действия лицами, действующими в рамках своих официальных полномочий, вне рамок этих полномочий или в личном качестве» (Комиссия по правам человека, Замечание общего порядка № 20 А/44/40, п. 2). Более того, предусматриваемый МПГПП запрет на пытки и другие виды жестокого обращения применяется в отношении деяний, осуществляемых как государственными должностными лицами, так и частными лицами. Это означает, что государство несет позитивное обязательство, в том числе по осуществлению должной предусмотрительности по защите лиц в рамках своей юрисдикции в отношении действий негосударственных террористических акторов (Комиссия по правам человека, Замечание общего порядка № 31 ССР/С/21/Rev. 1/Add.13, п. 8).

Комитетом была дана интерпретация ряда конкретных действий, которые классифицируются как пытки и жестокое обращение. Они включают причинение ожогов, лишение пищи и воды, систематическое избивание, сжимание пальцев в тисках, воздействие электрическим током, ампутации или подвешивание за руки или ноги в течение длительного периода времени. Например, в деле *Домуковский и другие против Грузии*, жестокое физическое обращение, следствием чего явились переломы и шрамы, а также угрозы по отношению к членам семьи, были признаны как достигающие необходимого порога, чтобы быть классифицированными как пытки и бесчеловечное

обращение (Соображения Комиссии по правам человека ССР/С/62/Д/623, 624, 626 & 627/1995, п. 18.6). Даже при вынесении таких основанных на фактах определений, как отмечалось выше, в большинстве рассматриваемых сообщений Комитет по правам человека не проводит различий между элементами статьи 7, а лишь выносит определение, что статья 7 в целом была нарушена. Таким образом, например, в деле *Уайт против Мадагаскара*, содержание под стражей без связи с внешним миром, а также заключение в одиночную камеру, будучи прикованным к кровати, с ограничением доступа к продуктам питания и воде в целом было признано как нарушение статьи 7 МПГПП (соображения Комитета по правам человека ССР/С/ОР/2, п. 15.2 и 17).

Основным предметом беспокойства Комитета, отражающим озабоченность международного сообщества, является неспособность некоторых государств четко обозначить в национальном уголовном законодательстве преступления, связанные с применением пыток, в частности в свете статьи 2(2) МПГПП, согласно которой государства обязаны принять необходимые меры для выполнения положений Пакта (см. подробнее далее).

«Жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания»

Как и в случае определения «пыток», точного определения «жестокое», «бесчеловечное» или «унижающее достоинство» обращения МПГПП не дает, также как и другие международные документы в области прав человека, в том числе КПП ООН (в статье 13 которой только кратко упоминается, но не объясняется «плохое обращение»). Проведение различия является уместным, так как КПП ООН определяет ряд конкретных обязательств в отношении применения пыток, а также из-за особой стигматизации пыток (*Ирландия против Соединённого Королевства*, 1978, п. 167; *Селмуни против Франции*, 1999, п. 96).

С точки зрения руководства соответствующая прецедентная практика позволяет предположить, что критерии жестокости, намерения и цели применяются не так строго в отношении этих видов плохого обращения по сравнению с критериями, определяющими пытки, хотя иногда это сформулировано в совершенно общих терминах. Например, в отношении жестокости актов, на которые была подана жалоба, в деле *Вуоланне против Финляндии* Комитет по правам человека заявил, «чтобы наказание квалифицировалось как унижающее достоинство, причиненное унижение или оскорбление должно превышать определённый уровень и в любом случае должно предусматривать другие элементы помимо самого факта лишения свободы» (ССР/С/35/Д/265/1987, п. 9.2). В то время как «цель» является ключевой характеристикой определения «пыток», в Замечании общего характера № 20 делается вывод, что оно не является требованием в отношении других видов плохого обращения согласно статье 7. Иллюстрацией этому могут служить содержание под стражей, при котором бесчеловечное и унижающее достоинство обращение может и не быть намеренным и умышленным. Примечательно, что Манфред Новак, предыдущий Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках и других видах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, а также документ «Элементы преступления» Международного уголовного суда (2011, статья 7(1)(f)) подчеркивают, что пытка подразумевает, что жертва находилась под стражей или под контролем исполнителя. Бесчеловечное или унижающее достоинство обращение также может быть результатом чрезмерного применения силы в ходе подавления демонстрации (Экономический и Социальный Совет, доклад Комитета по правам человека 2006/6, п. 34-41).

При определении нарушений в соответствии со статьей 7 также важную роль играет соразмерность, в том числе правильная классификация деяния в качестве пытки или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Например, в деле *Муконг* было установлено нарушение статьи 7, когда истец «был избран в качестве объекта для исключительно жестокого и унижающего достоинство обращения» (Соображения Комитета по правам человека ССР/С/51/Д/458/1991, п. 9.4). В частности, «он содержался под стражей без связи с внешним миром, ему угрожали пытками и смертью, он подвергался запугиванию, лишался пищи, и был заперт в своей камере в течение нескольких дней подряд без возможности отдыха» (ССР/С/51/Д/458/1991, п. 9.4). Ссылаясь на свое Замечание общего порядка № 20, в том числе то, что полная изоляция задержанного или заключенного может представлять собой нарушение статьи 7, Комитет пришел к выводу, что г-н Муконг был подвергнут жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 7. При этом Комитет по правам человека не согласился с приведенным государством обоснованием таких условий тюремного содержания, а именно финансовыми проблемами и ограничениями, которые испытывает Камерун как развивающееся государство (п. 9.3).

Дополнительные указания относительно того, когда определённые деяния быть могут квалифицированы как «жестокое», «бесчеловечное» или «унижающее достоинство» обращение могут быть определены исходя из соответствующего прецедентного права Комитета, которое может иметь широкую сферу охвата. Например, в одном из дел было решено, что заключение в камере на 23 часа в сутки без надлежащего питания и медицинского обслуживания, матраца, санобработки постельных принадлежностей, доступа к дневному свету или возможностей для досуга, представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение (Соображения Комитета по правам человека ССР/С/62/Д/619/1995, п. 9.3). Отказ в медицинском обслуживании также может квалифицироваться как унижающее достоинство обращение (Соображения Комитета по правам человека ССР/С/49/Д/321/1988, п. 9.2). Требование, чтобы задержанные, находящиеся в предварительном заключении, и на протяжении всего судебного процесса, носили куртки с указанием места содержания под стражей, было признано как унижающее достоинство, поскольку это нарушает принцип презумпции невиновности (Заключительные замечания Комитета по правам человека ССР/СО/82/ВЕН).

Для сравнения, Межамериканский суд по правам человека (МСПЧ) постановил, что «содержание под стражей без связи с внешним миром, показ в средствах массовой информации одетым в унижающее достоинство одежду, одиночное заключение в крошечной камере без источника естественного освещения, избиение и жестокое обращение, в том числе насильственное полное погружение под воду, запугивание угрозами еще большего насилия и ограничительный график посещения...., все это является формами жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения» (*Лоайза-Тамайо против Перу* 1997, п. 58). Подход Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) заключается в том, что определение того, попадает ли обращение под определение бесчеловечного и унижающего достоинство, «зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст обращения, способ и метод его исполнения, продолжительность, физическое и психическое воздействие, а также в некоторых случаях – пол, возраст и состояние здоровья жертвы» (*Кундла против Польши*, 2000, п. 92).

Бремя доказательства

Еще один аспект, заслуживающий внимания в данном контексте, касается подхода Комитета по правам к толкованию статьи 7. Ключевым вопросом для Комитета является наличие достаточных доказательств нарушения статьи 7. Это может быть проиллюстрировано на примере дела *Муконг против Камеруна*, в котором государство-участник заявило, что бремя доказательства лежит на частном лице, однако Комитет постановил:

Бремя доказательства не может быть возложено исключительно на автора сообщения, особенно принимая во внимание, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к свидетельским показаниям и что часто только государство-участник имеет доступ к соответствующей информации Г-н Муконг предоставил подробную информацию об обращении, которому он подвергался; в этих обстоятельствах, государству-участнику надлежит детально опровергнуть эти утверждения, а не переносить бремя доказательства на автора (Соображения Комитета по правам человека ССРР/С/51/D/458/1991, п. 9.2).

Аналогичным образом, в случаях, когда лицо помещается под стражу в полиции в добром здравии, но впоследствии на момент освобождения у него обнаружены травмы, на государство возлагается обязанность по предоставлению правдоподобного объяснения того, каким образом эти травмы могли быть получены, в противном же случае это ясно попадает под определение пытки или негуманного, или унижающего достоинство обращения (*Селмуни против Франции*, 1999, п. 87). На власти возлагается бремя доказательства по объяснению и обоснованию любых полученных травм. Именно поэтому ведение точных протоколов содержания под стражей в отношении задержанных имеет решающее значение. Медицинское освидетельствование задержанных также важно как для предупреждения злоупотреблений, так и для защиты должностных лиц, имеющих отношение к задержанию, в отношении ложных обвинений. Любые травмы, полученные задержанным, следует полностью расследовать и при необходимости привлечь виновных к ответственности.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

Ключевые концепции

В дополнение к [Международному пакту о гражданских и политических правах](#) (МПГПП) существует специальная конвенция против пыток – [Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#) (КПП ООН). Она не дает определения «пыткам» или «жестокому», «бесчеловечному» или «унижающему достоинство» обращению. Вместо этого, подход статьи 1 данной Конвенции заключается в определении элементов, которые в совокупности могут квалифицироваться как акты «пыток». Эти ключевые элементы включают:

- любое действие, которым причиняется сильная боль или страдание, физическое или психологическое;
- причиняется какому-либо лицу умышленно;
- чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо, или в совершении, которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера;
- когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.

Поскольку КПП ООН является одним из наиболее [ратифицированных](#) договоров (ее участниками являются 166 государств), определение пыток, содержащееся в статье 1, получило широкое признание как отражающее нормы обычного международного права. В то же время во втором абзаце статьи 1 подчеркивается, что данное определение принято для целей настоящей Конвенции и не наносит ущерба какому-либо международному договору или национальному законодательству, которое содержит или может содержать положения о более широком применении.

Как и в случае статьи 7 МПГПП, отступления от положений КПП ООН не допускаются в связи с абсолютным характером запрета пыток (заключения и рекомендации Комитета против пыток CAT/C/CR/31/4; CAT/C/USA/CO/2). Подчеркивая статус запрета, отступление от которого недопустимо в условиях противодействия терроризму, Комитет ООН против пыток признает:

трудности, с которыми сталкивается государство-участник в своей давней борьбе с терроризмом, но напоминает, что никакие исключительные обстоятельства не могут использоваться для оправдания пыток и выражает озабоченность по поводу возможного ограничения прав человека, которые могут быть вызваны мерами, принимаемыми с этой целью (CAT/C/CR/31/4).

Статья 1 не может быть использована как ограничивающая другие, более широкие определения, как например, в статье 2 [Межамериканской конвенции о запрещении](#)

[пытков и наказаний за них](#) (МКЗПН) (принятой 9 декабря 1985 года и вступившей в силу 28 февраля 1987 года), рассматриваемой далее. Как будет показано далее, МКЗПН включает более широкое определение, чем КПП ООН, поскольку не предусматривает требования определённого уровня жестокости для того, чтобы установить факт совершения насилия.

В этом контексте непонятно, требует ли статья 1 установления намерения причинить сильную боль и страдания или намерения специально совершить соответствующее деяние. Другой активно обсуждающийся вопрос - распространяется ли сфера действия статьи 1 только на действия, или же также и на бездействие. Примечательно, что если Комитет по правам человека не всегда рассматривает бездействие как представляющее собой пытку, то Комитет против пыток ясно дает понять, что государства несут ответственность за действия или бездействия сотрудников различных учреждений и должностных лиц, а это означает, что государство не может быть освобождено от ответственности по предупреждению пыток, в том числе их совершения при бездействии (Замечание Комитета против пыток № 2 CAT/C/GC/2, п. 15).

Требования участия должностного лица

Тогда как МПГПП не проводит различия между тем, были ли осуществлены пытки или другие формы жестокого обращения должностным лицом или частным лицом, КПП ООН конкретно предусматривает участие должностного лица (*Прокурор против Кунарака, Ковача и Вулковича*, 2002, п. 146). При этом, как можно утверждать – согласно решениям МСПЧ в ряде дел об исчезновениях (см., например, *Веласкез Родригез*, 1988; *Гонсалес и другие против Мексики*, 2009) – это не освобождает государств от более широких обязательств и должных усилий в соответствии с международным правом для предупреждения применения пыток и жестокого обращения со стороны негосударственных акторов, как и расследования и привлечения к уголовной ответственности таких лиц за такие преступления в нарушение прав человека. В условиях, когда возрастает вероятность применения пыток и жестокого обращения, например, в виде их регулярного повторения, стандарт того, что будет считаться «разумными» и «надлежащими» мерами будет существенно выше.

На самом деле, требование участия должностного лица подразумевает, что государства не несут ответственность за действия или бездействие других частных объединений. В КПП ООН конкретно оговаривается диапазон участия должностных лиц, начиная с самого низкого уровня наличия «молчаливого согласия» с тем, чтобы признать действие пыткой. В связи с этим решающее значение имеет определение того, что может подпадать под определение «молчаливого согласия» в качестве основного требования в отношении обязанности государства. В этом контексте показательны два дела. Первое – дело *Агиза против Швеции* (Соображения Комитета против пыток CAT/C/34/D/233/2003), которое касалось высылки предполагаемого террориста из Швеции в Египет по соображениям национальной безопасности после затяжного судебного разбирательства и получения дипломатических заверений от Египта по поводу того, что истец не будет подвергнут жестокому обращению в случае возвращения. Другим примером является дело *Алзери против Швеции* (Соображения Комитета по правам человека CCPR/C/88/D/1416/2005) по аналогичному поводу, дополнительным аспектом которого было то, что г-н Алзери был незамедлительно выслан из Швеции в Египет в соответствии с неподлежащим пересмотру исполнительным решением и жестоким обращением с ним в период содержания под стражей с участием иностранных агентов. Комитет против пыток пришел к довольно схожему решению в обоих делах, ответственность за действия, «имевшие место в ходе выполнения должностных обязанностей в присутствии должностных лиц государства-участника и в рамках юрисдикции государства-участника, должным образом

возлагается на государство-участника, а также на государство, от чьего имени участвовали должностные лица» (*Алгиза против Швеции*, например, п. 13.4; *Алзери против Швеции v*, например, п. 11.6).

Принимая во внимание вышесказанное, изменения в международном праве, имевшие место после того, как была принята КПП ООН, позволяют сделать вывод о том, что пытки могут быть совершены в некоторых обстоятельствах без подстрекательства, ведома или молчаливого согласия со стороны должностного лица или другого лица, выступающего в официальном качестве, например, исполнителями, связанными с группами мятежников или частным охранным предприятием. Статут Международного уголовного суда (1998, статьи 7 и 8), а также «Элементы преступлений», принятые Ассамблеей государств-участников в целях содействия Суду в толковании и применении Статута (Элементы преступлений, статьи 7(1)(f), 8(2)(a)(ii)-1 и 8(2)(c)(i)-4) не устанавливают в качестве элемента пыток необходимость того, чтобы исполнитель выступал в официальном качестве.

В противоположность этому, в деле *GRB против Швеции*, связанном с нарушением принципа невысылки, в ответ на заявление государства о том, что действия террористов не могут быть вменены государственным властям, Комитет против пыток выразил согласие, отметив, что «вопрос о том, несет ли государство обязательство воздержаться от высылки лица, которому может грозить причинение боли или страданий со стороны негосударственных акторов, без ведома или согласия правительства, выходит за пределы сферы действия статьи 3 Конвенции» (CAT/C/20/D/083/1997, п. 6.5). Даже в соответствии с КПП ООН, государство должно целенаправленно и должным образом реагировать на такие действия и принимать меры по их недопущению (ООН, Комитет против пыток, 1998). Комитет против пыток ясно обозначил стандарт должной осмотрительности при оценке того, проявляло ли должностное лицо молчаливое согласие в отношении практики, нарушающей положения КПП ООН (см. статьи 1 и 16). И МПГПП, и КПП ООН предусматривают обязанность расследовать жалобы на применение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Отличие «пытков» от «других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания»

В статье 16 КПП ООН говорится, что государства обязуются предотвращать «другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не подпадают под определение пытки... когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». Это требование может в некоторой степени помочь при проведении различия между пытками и другими формами жестокого обращения. При этом, даже принимая во внимание наличие статьи 16, Комитет против пыток признает неопределённость в отношении границы между пытками и жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением (CAT/C/GC/2, п.3). Как и в случае с запретом пыток, запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращения «надлежит соблюдать во всех обстоятельствах».

Стремясь разъяснить ситуацию, Манфред Новак, бывший Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах

обращения и наказания, рассматривал статью 1 КПП ООН в качестве отправной точки при определении пыток (Экономический и Социальный Совет, доклад Комиссии по правам человека E/CN.4/2006/6, стр. 12). По его мнению, «решающими критериями для проведения отличий между пытками и [другими формами жестокого обращения], скорее всего, являются цель совершенных действий и бесправное положение жертвы, а не степень причиняемой боли или страдания» (п.39). Обстоятельства в таком случае необходимо оценивать на предмет наличия других форм жестокого обращения с использованием критериев соразмерности и необходимости.

Сопутствующие обязательства для государств

КПП ООН также предусматривает, что государства должны применять эффективное внутреннее законодательство, предусматривающее уголовное наказание за пытки. В статье 4 КПП ООН устанавливается:

1. Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы все акты пыток рассматривались в соответствии с его уголовным законодательством. То же относится к попытке подвергнуть пытке и к действиям любого лица, представляющего собой соучастие или участие в пытке.
2. Каждое Государство-участник устанавливает соответствующие наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера.

Как можно видеть, данное положение, распространяется только на пытки, а не другие виды жестокого обращения.

В этом контексте необходимо также отметить вопрос установления юрисдикции согласно статье 5 КПП ООН. В соответствии с ней, государства-участники обязаны «принимать такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений», связанных с актами пыток как они определяются в статье 4 в следующих случаях:

1. (a) Когда преступления совершены на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, или на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в данном Государстве;
(b) Когда предполагаемый преступник является гражданином данного Государства;
(c) Когда жертва является гражданином данного Государства и если данное Государство считает это целесообразным.
2. Каждое Государство-участник аналогичным образом принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию в отношении таких преступлений в случаях, когда предполагаемый преступник находится на любой территории под его юрисдикцией, и оно не выдает его в соответствии со статьей 8 любому из государств, упомянутых в пункте 1 настоящей статьи.
3. Настоящая Конвенция не исключает осуществления любой уголовной юрисдикции в соответствии с внутренним законодательством.

Как объясняется в обсуждении юрисдикции в Модуле 4, вопросы юрисдикции могут быть противоречивыми, в частности связанные с применением универсальной юрисдикции, устанавливаемой обычным международным правом, в соответствии с которым

государства могут иметь правовую возможность, но не правовую обязанность (в зависимости от таких факторов, как их внутреннее право), осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении международных преступлений пыток. Примером может служить дело *Маркоса Ройтман Розенманна против Испании* (Соображения Комитета против пыток CAT/C/28/D/176/2000). В этом деле речь шла о запросе Испании, первоначально не увенчавшемся успехом, к Соединённому Королевству о выдаче Аугусто Пиночета, бывшего чилийского диктатора, чтобы он предстал перед судом в Испании за пытки в отношении испанских граждан в Чили в период его правления (1973-1990). Комитет против пыток пришел к заключению, что, хотя государства имеют экстерриториальную юрисдикцию в отношении актов пыток, совершенных против их граждан, статья 5(1)(с) КПП ООН устанавливает «скорее дискреционное право, нежели императивную обязанность осуществлять запрос о выдаче и настаивать на нем» (Соображения Комитета против пыток CAT/C/28/D/176/2000, п.6.7). Комитет далее отметил, что «Конвенция налагает обязательство [на государство-участника] привлечь к судебной ответственности лицо, подозреваемое в совершении актов пыток, которое было обнаружено на его территории», чтобы попытаться не допустить безнаказанности за совершение актов пыток. В соответствии со статьями 7 и 8 КПП ООН, государство, на территории которого обнаружено лицо, подозреваемое в преступлении, может либо преследовать его в судебном порядке или выдать его другой стороне-участнику КПП ООН соответственно (CAT/C/28/D/176/2000; CAT/C/CR/30/6).

Ключевые обязательства в отношении пыток и бесчеловечных и унижающих достоинство обращения или наказания

Все государства несут обязательства по (i) предотвращению пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения; (ii) расследованию обвинений в актах пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (iii) преследованию или выдаче лиц, подозреваемых в совершении таких деяний; (iv) обеспечению того, чтобы жертва пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения получала возмещение. Эти обязательства четко закреплены в КПП ООН, а также – в соответствии с прецедентным правом международных судов и органов по правам человека – они в равной степени возникают в связи с другими основными договорами по правам человека. Также существуют и другие важные обязательства, в частности обязательство невысылки.

Предотвращение: В статье 2(1) КПП ООН говорится, что «каждое Государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией». Это обязательство подразумевает принятие ряда мер, в том числе обучение должностных лиц (включая сотрудников правоохранительных органов и исправительных учреждений, судей и прокуроров), гарантии в отношении мест содержания под стражей (как, например, предоставление незамедлительного доступа к адвокату или медицинским специалистам, а также ведение протоколов содержания под стражей в соответствии с международными стандартами), криминализация пыток и срочного проведения расследования утверждений о применении пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Оно также подразумевает должное наказание лиц, уличенных в плохом обращении.

Криминализация: Все государства должны обеспечить, чтобы все акты пыток и соучастия или участия в пытках квалифицировались в качестве преступлений в соответствии с их уголовным правом (статья 4 КПП ООН).

Обязательство по расследованию: Статья 12 КПП ООН устанавливает, что «каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией». В статье 13 добавлено, что «каждое Государство-участник обеспечивает любому лицу, утверждающему, что оно было подвергнуто пыткам на любой территории, находящейся под юрисдикцией этого Государства, право на предъявление жалобы компетентным властям этого Государства и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы. Предпринимаются меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями».

Преследование (или выдача): Международным правом ясно предусмотрена обязанность по преследованию лиц, ответственных за совершение актов пыток. Такое обязательство является неотъемлемым во всех главных международных договорах по правам человека и ясно выражено в статье 7 КПП ООН. При обнаружении на территории государства лица, подозреваемого в совершении или причастности к совершению актов пыток, это государство обязано либо начать расследование с целью судебного преследования или выдать подозреваемого запрашивающему государству.

Возмещение: Жертвам пыток также должно быть гарантировано надлежащее средство правовой защиты, в том числе компенсации. Статья 14(1) КПП ООН предусматривает, что «каждое Государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется его иждивенцам».

Принцип недопустимости принудительного возвращения (невысылки)

Еще один принцип, который необходимо для полноты упомянуть в данном контексте и который достаточно подробно обсуждался в Модулях 3 и 10, является принцип недопустимости принудительного возвращения, поскольку абсолютный запрет пыток может рассматриваться как его краеугольный камень. Впервые этот принцип был изложен в статье 33 (1) Конвенции о статусе беженцев 1951 года, в которой говорится: «Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений».

Данный принцип *недопустимости принудительного возвращения* может возникнуть в контексте противодействия терроризму, например, когда одно государство желает выдать подозреваемого в терроризме другой стороне для уголовного преследования (например, выдача Абу Хатаба Соединённым Королевством Иордании) (*Осман против Соединённого Королевства*, 1998).

Вновь, в своем Замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека дает указание по этому поводу: «По мнению Комитета, государства-участники не должны подвергать лиц опасности применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания по их возвращению в другую страну посредством выдачи, высылки или возвращения. В своих докладах государствам-участникам следует указывать, какие меры приняты с этой целью» (A/44/40, п.9).

Хотя и статья 7 МПГПП, и статья 3 КПП ООН подкрепляют принцип *недопустимости принудительного возвращения*, потенциальная сфера применения статьи 7 является более широкой в том отношении, что она не ограничивается пытками, а распространяется и на другие виды жестокого обращения.

Поскольку принцип *невысылки* подкрепляется запретом пыток в качестве нормы *jus cogens*, суды занимают твердую позицию по его защите, в том числе в ситуациях, связанных с терроризмом. Примером этому может служить знаковое дело ЕСПЧ *Чахал против Соединённого Королевства*, в котором лицу грозила высылка из Соединённого Королевства по подозрению в участии в террористической деятельности. Суд, признавая одновременно трудности, с которыми сталкивается государство в защите своих граждан от терроризма, тем не менее, отклонил любые предположения о том, что соображения национальной безопасности должны быть сбалансированы с этим абсолютным запретом. По этой причине он безоговорочно постановил, что соображения национальной безопасности не могут ущемлять права частного лица в ситуации, когда имелись достаточные основания полагать, что лицо будет подвергнуто пыткам и другим видам жестокого обращения после высылки (*Чахал против Соединённого Королевства*, 1996). ЕСПЧ придерживался этой твердой позиции и в недавних делах, например, *Саади против Италии* (2008).

Несмотря на такие безоговорочные обязательства, налагаемые на государства, как в соответствии с обычным международным правом, так и договорным правом, Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания отмечал ранее, что в целом ряде дел было допущено нарушение принципа *недопустимости принудительного возвращения*. В частности, он отмечал, что ряд правительств вернул лиц, подозреваемых

в терроризме, в страны, где существовал значительный риск того, что эти лица будут подвергнуты незаконным актам пыток или жестокого обращения под предлогом противодействия терроризму. Специальный докладчик выразил мнение, что дипломатические заверения не служат достаточной гарантией защиты от пыток или жестокого обращения, считая их неэффективными (Доклад Генеральной Ассамблеи 60/316).

В контексте многонациональных контртеррористических операций Комитет против пыток подтвердил, что КПП ООН применяется ко всем территориям, на которых государство осуществляет эффективный контроль. Таким образом, статья 3 КПП ООН применяется, когда государство передает лицо, находящееся под стражей, в ведение властей другого государства. Важно отметить, что это обязательство также распространяется на ситуации, когда передача осуществляется одним органом власти другому органу, но на одной и той же территории (например, союзными силами местным национальным органам власти, как это было в Ираке и Афганистане). Это означает, что лицо будет находиться под защитой статьи 3 и принципа *недопустимости принудительного возвращения* даже в обстоятельствах, когда международная граница не была пересечена (Заключительные замечания Комитета против пыток ССРР/СО/82/ВЕН, п.5(е)). Как показано в тематическом исследовании, посвященном делу *Елми против Австралии*, иногда принцип *невысылки* может быть в равной степени применен не только к государственным властям, но и к негосударственным акторам, которые *de facto* управляют территорией.

Региональные документы по правам человека

В настоящем разделе вопрос о пытках и жестоком обращении рассматривается в контексте региональных договоров, в дополнение к обсуждениям региональных подходов в Модуле 5.

Африканский регион

Африканская хартия прав человека и народов

В статье 5 [Африканской хартии прав человека и народов](#) (также известной как Банджунская хартия», принятой 1 июня 1981 года и вступившей в силу 21 октября 1986 года) устанавливается:

Каждый человек имеет право на уважение его достоинства, присущего человеческой личности, и на признание его правосубъектности. Запрещаются все формы эксплуатации и унижения человека, в особенности рабство, работорговля, пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение и наказание.

В отличие от других международных и региональных систем по правам человека, в рамках Африканской хартии запрет пыток и жестокого обращения включен в более широкий перечень общих форм эксплуатации и унижения. Однако это не влияет на

общее значение и последствия этого запрета. Скорее, статья 5 таким образом стремится «признать то, что существует взаимоукрепляющая связь между правом на уважение достоинства и абсолютным запретом пыток и других форм жестокого обращения» (Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧП) 2017, п. 4).

Аналогичным образом, поскольку запрет пыток является нормой *jus cogens*, не допускающей никаких отступлений, тот факт, что Африканская хартия не предусматривает положения об отступлении от обязательств в период чрезвычайного положения (см. подробнее Модуль 7), не отражается на этом запрете. Данная позиция была подтверждена Африканской комиссией по правам человека и народов (АКПЧП), которая пришла к заключению, что отступление от права на свободу от применения пыток и жестокого обращения не допустимо ни по каким причинам и ни при каких обстоятельствах (*статья 19 против Eritrea*, 2007, п. 98); как и недопустимы его ограничения на основании внутреннего законодательства.

Как и в случае [Международного пакта о гражданских и политических правах](#) (МПГПП) и [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#) (КПП ООН), граница между тем, что является жестоким обращением, а что пытками, размыта. Африканская комиссия еще не предоставила разъяснения по этому вопросу, в том числе посредством более подробных соображений относительно определения пытки; пока что, как и в случае договорных органов ООН, она рассматривает статью 1 КПП ООН как важную отправную точку в вопросах толкования. С точки зрения уже имеющихся рекомендаций, значение имеют такие факторы как уровень и серьезность нарушений, принимая во внимание подход Комиссии к пыткам как самой «серьезной» форме плохого обращения. Что касается сферы действия статьи 5 Африканской хартии, некоторые указания были предоставлены в деле *International Pen u другие против Нигерии*, в котором АКПЧН пришла к заключению:

Статьей 5 [Африканской хартии] запрещаются не только пытки, но и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Это включает не только действия, которые причиняют серьезные физические или психологические страдания, но также те, которые унижают человека или заставляют его действовать против его воли или совести (*International PEN u другие против Нигерии*, 1998, п. 79).

Помимо своей судебной практики по рассмотрению жалоб на нарушения, касающиеся запрета пыток и жестокого обращения, Африканская комиссия принимает активное участие в разработке других «мягких», но не менее влиятельных документов. Одним из таких документов, автором которого выступила Комиссия, являются *Руководящие положения и меры по запрещению и предупреждению пыток в Африке («Роббен-Айлендские руководящие положения»)* (Niyizurugero and Lesséne, 2008) в отношении запрета и предупреждения пыток, а также реабилитации жертв, которые предназначены для реализации на национальном уровне. В докладе Amnesty International, опубликованном в 2007 году до принятия Руководящих положений, были задокументированы случаи пыток, внесудебных казней и произвольных арестов, предположительно совершенных в 32 африканских странах (Amnesty International, 2007). Некоторые из них имели отношение к делам, связанным с противодействием терроризму. С точки зрения определения понятия пытки в Руководящих положениях даются дальнейшие указания, как, например, что она может быть моральной или физической по характеру, а также может охватывать такие акты, как «унижение, избивание палками, содержание в одиночной камере, насильственное лишение сна» и так далее (Niyizurugero and Lesséne, 2008, стр. 6). Как и КПП ООН (например, статья 16),

так и Руководящие положения предусматривают, что государства несут как положительные обязательства в том, чтобы прилагать все усилия для предотвращения применения пыток, так и негативные обязательства в том, чтобы самим воздерживаться от такой практики (Niyizurugero and Lesséne, 2008, стр. 8).

В 2017 году Африканская комиссия издала Замечание общего порядка № 4 касательно Африканской хартии прав человека и народов: право на возмещение для жертв пыток и других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания (статья 5) (АКПЧН, 2017). Как и Роббен-Айлендские руководящие положения данный документ был издан в ответ на тот факт, что [пытки и другие формы плохого обращения] «по-прежнему остаются предметом обеспокоенности африканского континента и Комиссия признает проблемы, с которыми сталкиваются жертвы пыток и другого жестокого обращения при оценке и получении возмещения» (АКПЧН, 2017, п.1). Основная цель замечания общего порядка заключается в том, чтобы предоставить «авторитетное толкование сферы применения и содержания права на возмещение для жертв пыток и других форм плохого обращения в конкретных контекстах, связанных с африканским континентом» на национальном уровне, например, в отношении выполнения обязательств по АКПЧН, внедрения эффективных механизмов мониторинга и так далее (АКПЧН, 2017, п. 7), в том числе в контексте противодействия терроризму как в мирное время, так и в ситуациях вооруженного конфликта (АКПЧН, 2017, п. 11 и 62).

Американский регион

Межамериканская конвенция по предупреждению пыток и наказанию за них

Основным документом по вопросам запрещения пыток и наказания за них в межамериканской системе является [Межамериканская конвенция по предупреждению пыток и наказанию за них](#) (МАКППН). Основные принципы МАКППН заключаются в обеспечении более широких прав на жизнь, свободу и безопасность человека, как это предусмотрено статьей 1 Американской декларации прав и обязанностей человека (принятой 2 мая 1948 года). Этот подход получил дальнейшее развитие в статье 5 Американской конвенции по правам человека (принятой 22 ноября 1969 года и вступившей в силу 18 июля 1978 года) (Американская хартия), которая гласит, что «каждый человек имеет право на уважение его физической, духовной и моральной неприкосновенности». Статья 5 Американской хартии также предусматривает, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство наказаниям или обращению. Все лишенные свободы лица имеют право на уважение достоинства, присущего человеческой личности».

Примечательно, что в плане определения пытки статья 2(1) МАКППН далее развивает положения Американской декларации и Американской хартии следующим образом:

Любые акты, совершаемые умышленно, в результате которых лицу причиняется сильная боль и страдания физического или психологического характера в целях уголовного расследования как средство запугивания, как профилактическая мера или как наказание, или по любой другой причине. Под пытками также следует понимать применение в отношении лица методов, направленных на разрушение личности жертвы или снижение ее физических или умственных способностей, даже если такие методы не причиняют физической боли или психических страданий.

Понятие пытки не включает причинение сильной боли и страданий физического или психологического характера, которые неразрывно связаны с применением законных мер или являются исключительно следствием их применения при условии, что они не включают осуществление актов или применение методов, о которых идёт речь в данной статье.

Это определение является более широким, чем дефиниция закреплённая в КПП ООН. Например, оно не предусматривает требование о том, чтобы боль была «сильной». Оно также может иметь потенциально более широкую сферу применения посредством предусмотренной в ней формулировки «по любой другой причине», которая расширяет потенциальные основания для утверждений о нарушениях, связанных с пытками.

При определении материальных аспектов запрета и Межамериканская комиссия по правам человека (МАКПЧ), и Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ) учитывали такие факторы как продолжительность боли или страданий, вызванных актом; причина и средства, с помощью которых было причинено жестокое обращение; общий контекст; произвольность лишения свободы; а также индивидуальные характеристики жертвы, такие как пол, возраст и социальное положение (*Ксименос-Лопес против Бразилии*, 2006, п. 127). МАКПЧ далее признала, что изнасилование является пыткой, как это было в деле *Марти де Мейха против Перу* (1996, п. 157). Это стало первым случаем, когда международный орган пришел к заключению, что изнасилование подпадает под определение пытки. В данном деле МАКПЧ заявила, что изнасилование являлось способом физической пытки, целью которой было унижение жертвы и ее семьи. Это согласуется с аналогичным признанием, которое ранее сделал Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (Экономический и Социальный Совет, доклад Комиссии по правам человека 1986/15, п. 119; см. также Экономический и Социальный Совет, резюме Комиссии по правам человека 1992/SR.21, п. 35). Такое признание имеет значение в контексте противодействия терроризму, когда изнасилования используются с целью допроса для получения информации или признаний.

Согласно Межамериканскому суду, систематический и повторяющийся характер применения пыток соответствует элементу целенаправленности пыток, как это было в деле *Тиби против Эквадора* (2004). Это дело также важно для определения физических и психологических пыток следующим образом:

Акты, подготовленные и осуществляемые преднамеренно против жертвы с целью подавить ее физическое сопротивление и принудить ее к самооговору или признанию в совершении определённых преступных деяниях или подвергнуть ее дополнительным методам наказания помимо лишения свободы (п. 146).

В отношении определения намерения или мотивации предполагаемого исполнителя в МАСПЧ даны следующие разъяснения:

Нарушения Конвенции не могут быть обоснованы правилами, учитывающими психологические факторы при установлении наличия вины того или иного лица. В целях анализа намерение или мотивация исполнителя, нарушившего закреплённые в Конвенции права, не имеют значения – нарушение может быть установлено, даже если личность отдельного исполнителя неизвестна. Решающим фактором станет то, случилось ли нарушение закреплённых в Конвенции прав при поддержке или молчаливом согласии властей, или разрешило ли государство осуществлять такой акт, не приняв меры по его предотвращению или наказанию

лиц, виновных в его совершении (дело *Веласкеса Родригеза*, 1988, п. 173; *Годинер-Круз против Гонудараса*, 1989, п. 183).

Помимо этого, как отмечалось ранее, МАСПЧ всегда занимал активную позицию в делах, связанных с вынесением решения о том, был ли продемонстрирован государством достаточный уровень должной осмотрительности для защиты и гарантии этих прав, т.е. были ли приняты все целесообразные меры, соответствующие контексту (например, вероятность осуществления конкретного нарушения), чтобы предотвратить нарушение, а впоследствии были ли предприняты должные шаги по расследованию, преследованию и обеспечению адекватного возмещения жертвам. Как разъяснил МАСПЧ в деле *Лоайза Тамайо против Перу* (1997), никакое жестокое обращение не может когда-либо быть оправдано независимо от контекста, в том числе усилий по противодействию терроризму:

Даже в случае отсутствия физических травм, психические и моральные страдания, сопровождающиеся физическим воздействием в ходе допроса, могут считаться бесчеловечным обращением. Унижающий достоинство аспект характеризуется страхом, беспокойством и ущербностью, причиняемыми с целью оскорбить и унижить жертву, а также сломить ее физическое и моральное сопротивление Эта ситуация усугубляется уязвимостью лица, которое незаконно содержится под стражей.... Любое применение силы, не являющееся строго необходимым для обеспечения должного поведения со стороны задержанного, представляет собой посягательство на достоинство этого лица.... в нарушение статьи 5 Американской Конвенции. Потребности расследования и неоспоримые трудности, возникающие в ходе борьбы с терроризмом, не должны ограничивать защиту права лица на физическую неприкосновенность (п. 57).

В отношении других форм «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращения или наказания», их определение, а также отличие между пытками и другими формами плохого обращения, как и в других международных договорах, не предусмотрены. Вместо этого, в статье 6 МАКППН предусматривается лишь то, что государства «должны предпринимать эффективные меры по предотвращению других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и наказанию за них». В этом отношении межамериканская система обычно следует прецедентному праву Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) (*Лизардо Кабрера против Доминиканской Республики*, 1998). Например, он придерживается этой линии мышления в отношении психологического насилия, в соответствии с которой ЕСПЧ подтвердил, что в отсутствие физических увечий, психологические и моральные страдания, сопровождающиеся физическим воздействием в ходе допроса, могут квалифицироваться как бесчеловечное обращение (*Ирландия против Соединенного Королевства*, 1978, п. 167). В качестве примера можно привести дело *Лоайза Тамайо против Перу*, обсуждаемое в тематическом исследовании ниже, в котором Суд разъяснил:

Нарушение права на физическую и психологическую неприкосновенность лиц представляет собой категорию нарушений, которая имеет несколько градаций и охватывает разные формы обращения от пыток до других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения с различной степенью физического и психологического воздействия, вызванного внутренними и внешними факторами, которые необходимо доказать в каждом конкретном случае (п. 57).

Подход межамериканской системы предполагает, что, как и в случае ЕСПЧ, он обеспечивает пределы свободы при оценке того, что является пыткой, а что плохим обращением в соответствии с Американской хартией и МАКППН, исходя из тяжести и серьезности дела. С этой целью ею принят индивидуальный подход, учитывающий такие факторы как продолжительность страданий и персональная ситуация жертвы. Например, Комиссия заявила, что «... хотя каждый случай следует оценивать исходя из его обстоятельств, пытки или другие формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения могут включать более изощренные формы обращения, которые, тем не менее, были признаны достаточно жестокими, как например, подвергание слишком яркому свету или чрезмерному шуму, применение наркотических препаратов в центрах содержания под стражей или психиатрических клиниках, продолжительное лишение сна и пищи, неадекватные санитарно-гигиенические условия или медицинское обслуживание, а также полная изоляция и сенсорная депривация» (МАКПЧ).

Европейский регион

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)
(«[Терроризм и Европейская конвенция о правах человека](#)»)

Запрет пыток и жестокого обращения предусмотрен в статье 3 Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ), в которой утверждается, что «никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». И вновь, в этом положении не предусматривается определения пытки или других форм плохого обращения, или разграничения между ними. Тем не менее, на сегодняшний день бывшей Европейской Комиссией по правам человека и Европейским судом по правам человека (ЕКПЧ) накоплена обширная судебная практика, которая обеспечивает подробные рекомендации в отношении толкования статьи 3. Немаловажно, что в соответствии с решением ЕСПЧ пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение категорически запрещены, и никакое отступление от этого запрета не допускается даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации (*Селмуни против Франции*, 1999, п. 95).

Знаковыми делами, устанавливающими ключевые определяющие принципы – в том числе относительно разграничения между пытками и другими формами плохого обращения – являются «Греческое дело» (1996) и *Ирландия против Соединённого Королевства* (1978, п. 167). В «Греческом деле» Европейская комиссия провела различие между пытками и бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, придя к заключению, что эти нарушения существуют в диапазоне тяжести и более интенсивной и серьезной формы плохого обращения. Пытки рассматривались как действие, содержащее специальный элемент, который отличал их от других форм плохого обращения, а именно цель, ради которой оно было совершено, а не ее характер или тяжесть. В этой связи:

Все пытки должны являться бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, а бесчеловечное обращение – также унижающим достоинство. Понятие бесчеловечного обращения относится, по крайней мере, к такому обращению, которое преднамеренно вызывает страдания психического или физического характера, что в этой конкретной ситуации является неоправданным Пытки... имеют цель, как, например, получение информации или признания, или осуществление наказания, и в целом представляют собой тяжкую форму

бесчеловечного обращения. Обращение или наказание лица может быть охарактеризовано как унижающее достоинство, если оно чрезвычайно унижает лицо перед другими или заставляет его действовать против своего желания или совести («Греческое дело»).

Данному подходу можно противопоставить последующее дело – *Ирландия против Соединённого Королевства*, обсуждаемое в тематическом исследовании далее в Модуле, в рамках которого было предложено использовать предельные границы трех видов унижающего достоинство обращения на основе скользящей шкалы тяжести страданий. Это отменяло предыдущий подход, основанный на «целенаправленности» применения пыток. Это дело также важно в связи с определением суда о том, что так называемые «пять техник», применяемые властями для получения признательных показаний, являются запрещенными к использованию в рамках «законных» методов допроса статьей 3 ЕКПЧ.

ЕСПЧ вынес ряд других решений в отношении значения и сферы применения понятия пыток, которые имеют особое значение в контексте терроризма, а также методов и практик противодействия ему. Например, в деле *Аксой против Турции* (1996), касающемся содержания под стражей заявителя в 1992 году по подозрению в соучастии и пособничестве террористам РПК (Рабочей партии Курдистана), одним из оснований жалобы стало применение к нему пыток (так называемое «палестинское подвешивание», когда его обнаженного подвешивали за связанные сзади руки). Суд пришел к заключению, что обращение, применявшееся к заявителю, носило такой серьезный и жестокий характер, что может быть охарактеризовано исключительно как «пытка» в нарушение статьи 3.

ЕСПЧ также постановил, что изнасилование попадает под определение пыток. В качестве примера можно привести дело *Айдын против Турции* (1997), в котором Суд постановил:

Изнасилование заключенной представителем государства должно рассматриваться как особо тяжкая и гнусная форма жестокого обращения с учетом легкости, с которой преступник может использовать уязвимость и слабое сопротивление жертвы. Кроме того, изнасилование оставляет глубокие психологические шрамы у жертвы, которые не проходят с течением времени так же быстро, как другие формы физического и психологического насилия.... [и] на этом фоне Суд убежден, что совокупность актов физического и психологического насилия, совершенных в отношении заявителя, и особо жестокий акт изнасилования, которому она подверглась, являлись пыткой в нарушение статьи 3 Конвенции.

Дело *Селмуни против Франции* (1999) также может рассматриваться в качестве исторически важного дела, в котором ЕСПЧ впервые сослался на определение пытки, содержащееся в [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#) (КПП ООН) и вновь обратился к вопросу цели как ключевого элемента. Более того, он объяснил телеологический характер ЕКПЧ, в частности, ее нестатичный характер в отношении толкования положений Конвенции, в том числе статьи 3:

Суд ранее рассматривал дела, в которых он пришел к заключению о том, что имело место обращение, которое может быть охарактеризовано исключительно как пытка. Тем не менее, учитывая тот факт, что Конвенция является «живым инструментом, который может толковаться в свете современных условий», Суд считает, что определённые деяния, которые ранее классифицировались как

«бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» могут классифицироваться иначе в будущем. Он считает, что поскольку в области защиты прав человека и основных свобод требуются все более высокие стандарты, соответственно и неизбежно требуется бóльшая жесткость в оценке неуважения к основным ценностям демократических обществ (п. 160).

В этом деле Суд постановил, что нельзя проводить разграничение между пытками и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением исходя из простой оценки степени интенсивности причинённой боли или страданий. Это «зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность периода обращения, его физические и психические последствия, а также в некоторых случаях пол, возраст, состояние здоровья жертвы» (*Ирландия против Соединённого Королевства*, 1978, п. 168). Таким образом, например, в деле *Рамирес Санчес против Франции*, касавшемся продолжительности периода, в течение которого Карлос Шакал, считавшийся в 1970-х годах террористом №1 в мире, содержался в камере одиночного заключения (8 лет) после того, как был осужден за террористическое преступления, ЕСПЧ постановил, что нарушения статьи 3 не было (запрет бесчеловечного и унижающего достоинство обращения). Несмотря на законную озабоченность относительно возможных последствий режима изоляции заявителя, Суд счел, что, принимая во внимание его характер и представляемую им опасность, условия содержания заявителя в рассматриваемый в данном решении период не достигли минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы такое обращение являлось бесчеловечным или унижающим достоинство по смыслу статьи 3.

Греческое дело по-прежнему сохраняет актуальность в отношении определения унижающего достоинство обращения как формы «чрезвычайного унижения». Это значение наряду с пороговым критерием жестокости, примененным в деле *Ирландия против Соединённого Королевства*, позволяет предположить, что в рамках европейской правозащитной системы унижающее достоинство обращение характеризуется тремя ключевыми свойствами: некоторая форма нарушения достоинства человека (Совет Европы, Европейская Комиссия, 1973); определённый уровень жестокости; и «характер соответствующих обстоятельств» (*Тайрер против Соединённого Королевства*, 1978), такие как обстоятельства дела, методы осуществления запрещенных деяний и т.д. В целом подход Суда заключается в том, чтобы определить, являлось ли обращение унижающим или оскорбительным для жертвы. Хотя имели место и дела, в которых нарушение осуществлялось без такой цели (см., например, *V. против Соединённого Королевства*, 1999; *Пиирс против Греции*, 2001).

Кроме того, важно отметить, что Суд придерживался последовательной и твердой позиции в своих заключениях относительно того, что пытки и плохое обращение не могут быть оправданы ни при каких условиях даже целями противодействия терроризму. Подтверждением этому является дело *Томаси против Франции* (1992), в котором государство стремилось оправдать плохое обращение с Томаси, ссылаясь на подозрения в его участии в террористическом нападении. Суд отклонил этот довод, указав, что «потребности следствия и бесспорная сложность борьбы с преступностью, в частности, с терроризмом, не могут вести к ограничению защиты физического состояния человека» (п. 115).

Азиатский регион

Несмотря на отсутствие обширной региональной судебной практики или каких-либо правоприменительных механизмов, в данном разделе рассматриваются соответствующие документы в области прав человека Азиатского региона, а именно [Декларация о правах человека АСЕАН 2012 года](#) (принятая 18 ноября 2012 года) и [Азиатская хартия по правам человека](#) (принятая 17 мая 1998).

Что касается Декларации, соответствующее положение содержится в статье 14, в которой говорится, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, нечеловеческому или унижающему обращению или наказанию». Дополнительные указания, например, относительно толкования этих прав или проведения различий между ними в ней не представлены.

В отличие от Декларации, в Азиатской хартии прав человека не предусмотрено отдельного положения, касающегося пыток или других форм плохого обращения. Соответственно, необходимо рассмотреть несколько положений. Первое содержится в статье 3.3, в которой говорится, что «во многих частях Азии войны, этнические конфликты, культурные и религиозные притеснения, коррумпированность политиков, загрязнение окружающей среды, исчезновения, пытки, государственный или частный терроризм, насилие в отношении женщин и другие акты массового насилия по-прежнему остаются бедствием для человечества, которое является причиной гибели тысяч ни в чем не повинных людей». Вместо того, чтобы конкретизировать различные формы возможного плохого обращения, данное положение перечисляет различные формы нарушений, которые могут подразумевать применение пыток или других видов плохого обращения. В частности, статья 3.5 предусматривает, что государства несут ответственность по «тщательному расследованию» утверждений о нарушениях, в том числе касающихся применения пыток, однако нет какой-либо ссылки на другие формы плохого обращения. Заключительным положением является статья 14 в отношении обращения с заключенными и политическими заключенными. В отличие от предыдущих положений, в статье 14.2 ясно делается ссылка на «плохое обращение, пытки, жесткое и бесчеловечное обращение» в этом контексте, хотя интересно, что «унижающее достоинство» при этом не упоминается. Текст этого положения дает некоторые указания относительно значения указанного жестокого обращения (которое относится также к «произвольным арестам, задержаниям, заключениям под стражу») путем ссылки на тот факт, что:

Задержанные и заключенные часто содержатся в антисанитарных условиях, лишены адекватной пищи и медицинского обслуживания и им не предоставляется связь с семьями и их поддержка. Различные категории заключенных часто содержатся в одной камере, при этом рядом находятся мужчины, женщины и дети. Тюремные камеры часто переполнены. Распространены случаи смерти в местах содержания под стражей. Задержанным зачастую отказывают в доступе к адвокатам и праве на справедливое и быстрое судебное разбирательство.

Ближний Восток и регион Персидского залива

Последними документами, рассматриваемыми в данном разделе, являются документы, разработанные Лигой арабских государств и Организацией исламского сотрудничества (ОИС).

Что касается первых, то статья 8(1) [Арабской хартии прав человека 2004 года](#) (принята 22 мая 2004 года, вступила в силу 15 марта 2008 года) в значительной степени отражает нормы международного права и подходы других региональных правозащитных систем, устанавливая, что «никто не может быть подвергнут физическим или психическим пыткам или жестокому, унижающему достоинство, уничижительному или бесчеловечному обращению». Одним важным исключением является то, что термин «наказание» в нем опущен. Это в какой-то мере можно объяснить тем фактом, что *шариат* является одним из или единственным источником права в государствах-участниках Арабской лиги, согласно которому самая тяжелая категория уголовных правонарушений – преступления *худуд* – как правило, предусматривает наказание в виде смертной казни, что не рассматривается властями в данных обстоятельствах как плохое обращение.

В то же время ОИС не имеет обязательного правозащитного документа. При этом ей была разработана авторитетная [Каирская декларация о правах человека](#) в исламе, принятая 5 августа 1990 года (резолюция 217 А (III)). В ней предусмотрено положение о запрете пыток в статье 20:

Не разрешается без законных оснований арестовывать человека, ограничивать его свободу, высылать или наказывать его. Не разрешается подвергать его физическим или психическим пыткам, или унижению, жестокости или оскорблению в какой бы то ни было форме. Не разрешается также подвергать человека медицинским и научным экспериментам без его согласия или с риском для его здоровья или жизни. В равной степени не разрешается вводить чрезвычайные законы, разрешающие осуществление таких действий.

Несмотря на то, что разные формы плохого обращения сформулированы иначе, чем в других международных и региональных документах по правам человека, понятия «унижение, жестокость или оскорбление», по всей видимости, могут в значительной степени быть сопоставимы с «жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением». Аналогично статье 14.2 Декларации о правах человека АСЕАН, содержание статьи 20 Каирской декларации дает дополнительные указания относительно ее охвата и значения.

Международное гуманитарное право

Вооруженный конфликт

Запрет пыток и жестокого обращения, как не допускающая отступлений обычная норма *jus cogens*, применяется не только в мирное время или в чрезвычайных ситуациях в соответствии с международным и региональным правом в области прав человека, но также и в ситуациях международных и немеждународных вооруженных конфликтов, как это отражено в текстах Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Как было определено Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) в деле *Фуруджия* (1998):

Данный принцип, в силу значимости ценностей, которые он защищает, превратился в императивную норму или *jus cogens*, представляющую собой норму более высокого ранга в международной иерархии, чем договор и даже нормы обычного права (п. 153).

В соответствии с обычным международным гуманитарным правом, запрет пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения рассматривается в качестве давней нормы. Это отражено в обычной норме 90 в исследовании норм международного гуманитарного права Международного Комитета Красного Креста (МККК) (МККК, норма 90).

Эти обычные нормы права кодифицированы также в текстах Женевских конвенций (см. подробнее Модуль 3) (см. Женевская конвенция I, статья 12, п. 2; Женевская конвенция II, статья 12, п. 2; Женевская конвенция III, статьи 17, 87 и 89; Женевская конвенция IV, статья 32). Общая статья 3 [Женевских конвенций 1949 года](#), регулирующая ситуации немеждународного вооруженного конфликта, ясно запрещает пытки и жестокое обращение, а также «посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение» в отношении гражданских лиц и лиц, вышедших из строя. В Женевской конвенции IV аналогичным образом запрещены эти акты в ситуациях международного вооруженного конфликта. Эти положения надлежит также читать в свете других сопутствующих положений, как, например, статьи 27 Женевской конвенции IV, которая гласит, что «покровительствуемые лица имеют право при любых обстоятельствах на уважение к их личности, чести, семейным правам, религиозным убеждениям и обрядам, привычкам и обычаям. С ними будут всегда обращаться гуманно, и, в частности, они будут охраняться от любых актов насилия или запугивания, оскорблений и любопытства толпы» (Женевская конвенция IV, статья 27). Примечательно, что совершение актов пыток в отношении военнопленных или гражданских лиц представляет собой серьезное нарушение Женевских конвенций III (статьи 129-130) и IV (статья 147) соответственно, а также является военным преступлением.

Тем не менее, вопросы и споры вокруг запрета пыток и жестокого обращения, в том числе минимальных основных требований Общей статьи 3, возникли в связи с усилиями по противодействию терроризму в ситуациях вооруженного конфликта. Например, некоторые государства утверждают, что эти обязательства не применяются в отношении задержанных «незаконных вражеских комбатантов», таких как, например, боевики «Аль-Каиды» или Исламского государства Ирака и Леванта (см., например, Департамент юстиции США, служба юрисконсульта, 2002) (см. Модуль 6). Несмотря на тот факт, что

такие аргументы отклоняются судом (см., например, *Хамдан против Рамсфелда*, 2006, п. 65-68), использование жестких методов допроса и тайного задержания (см. Модуль 10) иногда продолжается и в условиях вооруженного конфликта (Human Rights Watch, 2004). Даже те государства, которые соблюдают международное гуманитарное право, могут время от времени использовать по умолчанию более ограничительный подход к толкованию Общей статьи 3. Например, это может принимать форму законодательства, которое исключает запрет унижительного обращения или предусматривает ограничение сферы применения Общей статьей 3, в соответствии с которой акт может быть наказуемым как военное преступление, что может фактически обеспечить иммунитет от преследования для виновных в таких актах.

Еще одним вопросом, вызывающим серьезную озабоченность, является применение пыток и других форм принуждения в отношении военнопленных с целью получения разведывательной информации. Согласно статье 17 Женевской конвенции III (регулирующей обращение с военнопленными), лицам, которые откажутся отвечать, нельзя «угрожать, подвергать их оскорблениям или каким-либо преследованиям, или ограничениям». Аналогичным образом, статьей 31 Женевской конвенции IV (регулирующей защиту гражданского населения на оккупированной территории) запрещается применение мер принуждения как физического, так морального порядка к покровительствуемым лицам в каких-либо целях, в частности, с целью получения от них или от третьих лиц сведений. Лицо, преследуемое в уголовном порядке, имеет право не быть принуждено, например, посредством применения жестких методов допроса к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным как в ходе международного, так и немеждународного вооруженного конфликта (статья 99 Женевской конвенции III, статья 75 Дополнительного протокола I и статья 6 Дополнительного протокола II). В этой связи особо необходимо отметить статью 75 [Дополнительного протокола I](#), которая получила название «мини-конвенции», поскольку в ней резюмируются основополагающие гарантии в отношении «лиц, находящихся во власти стороны, участвующей в конфликте, и не пользующихся более благоприятным обращением в соответствии с Конвенциями», чтобы обеспечить, что с ними обращаются гуманно при любых обстоятельствах, в том числе в ситуациях, когда право в области прав человека допускает отступления. Особое внимание заслуживает статья 75(2), которая предусматривает, что «запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте следующие действия, независимо от того, совершают ли их представители гражданских или военных органов:

- a. насилие над жизнью, здоровьем и физическим или психическим состоянием лиц, в частности....ii) пытки любых видов, физические или психические, и iii) телесное наказание;
- b. надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме.

Международное уголовное право

Как уже говорилось, совершение актов пыток и жестокого обращения может составлять серьезное нарушение положений Женевских конвенций и являться военным преступлением. В дополнение к этому, в случаях, когда необходимые пороговые критерии соблюдены, акты пыток могут квалифицироваться как преступления против человечества, вне зависимости совершаются они в мирное время или в ситуациях вооруженных конфликтов (см. Модуль 4).

В этой связи международное уголовное право также имеет большое значение в запрещении пыток в контексте международных и немеждународных вооруженных конфликтов путем применения мер наказания, которые выполняют важную сдерживающую роль. В контексте вооруженного конфликта существует обширная судебная практика международных судов и трибуналов в отношении толкования всех аспектов пыток и других форм плохого обращения, как это демонстрирует рассматриваемая далее прецедентная практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР) и Международного уголовного суда (МУС).

Важная концептуальная разница, отраженная в подходах этих судов и трибуналов к толкованию в сравнении с международными и региональными правозащитными механизмами, заключается в том, что главной целью международного уголовного права является установление факта совершения лицом международного уголовного деяния, за которое оно должно понести наказание, а не само определение подробностей относительно того, могут ли предполагаемые преступления квалифицироваться как пытки или другие формы плохого обращения.

Подходы Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР)

Прецедентная практика стала подтверждением позиции по запрету пыток как обычной нормы, в том числе в ситуациях вооруженного конфликта. Примечательно, что были обнаружены различия между элементами, необходимыми для подтверждения утверждений о пытках в ситуациях вооруженного конфликта в сравнении с элементами, применимыми к ситуациям в мирное время. В деле *Кунерача* (2001) Судебная палата пришла к следующему заключению:

Определение пытки согласно международному гуманитарному праву не включает в себя те же элементы, что определение пытки, обычно применяемое в соответствии с правами человека. В частности, Судебная палата считает, что присутствие государственного должностного лица или другого лица, обладающего властью, при процессе пытки не является необходимым условием для того, чтобы преступление считалось пыткой в соответствии с международным уголовным правом (п. 496).

В качестве отправной предпосылки МТБЮ и МУТР рассматривают пытки как военное преступление и преступление против человечности во всех случаях, когда требования, предъявляемые к этим конкретным видам преступления, соблюдены. Так, МТБЮ пришел к заключению, что «определение преступления пытки является тем же самым вне зависимости от статьи, в соответствии с которой деяния инкриминируются обвиняемому» (*Прокурор против Крнжелача*, 2002, п. 178). Как и в ситуации с международными и региональными правозащитными документами, рассматриваемыми

выше в данном Модуле, статуты обоих трибуналов не предусматривают определения пытки или плохого обращения, равно как и разграничения между различными формами плохого обращения, оставляя эти вопросы на усмотрение трибуналов.

При этом оба трибунала используют подход «целенаправленности» в определении пытки в соответствии со статьей 1 КПП ООН. Примером этому может служить дело *Акайесу* (1998), в котором МУТР привел различные цели, которые должны иметь место для того, чтобы сделать вывод о совершении акта пытки. Такие цели включают: «(a) получение от этого или другого лица информации или признания; (b) наказание лица за акт, который оно или третья сторона совершили или предположительно совершили; (c) запугивание или принуждение лица или третьей стороны; (d) или по любой причине, основанной на какой-либо дискриминации» (п. 593-594). При этом данный перечень не является исчерпывающим (см. *Прокурор против Кунараца, Ковача и Вуковича*, 2002, в котором обсуждаются «намерение» и «мотивация»). Также необходимо отметить, что МУТР в деле *Акайесу* также высказал мнение, что изнасилование подпадает под определение пытки. С точки зрения элемента цели, изнасилование может быть использовано для того, чтобы запугать, оскорбить, унижить, наказать, контролировать или разрушить личность человека (*Прокурор против Акаесу*, 1998, п. 596-597; см. также *Прокурор против Алекса Тамба Брима, Брима Баззи Камара и Сантиджи Борбор Кану*, 2007, п. 718). Другие дел двух трибуналов также обсуждали и далее развивали требование о наличии цели в рамках определения пытки (см., например, *Прокурор против Мусема*, 2000; *Прокурор против Бржанина*, 2004).

Кроме того, МТБЮ установил, что «тяжесть боли и страданий является отличительной особенностью пытки, которая выделяет ее среди других схожих преступлений» (*Прокурор против Делалича и других*, 1998), что согласуется с международным обычным правом. Четкого определения порога тяжести не существует, при этом бывший Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания отмечал, что «юридическое определение не может зависеть от перечня ужасающих методов; поскольку это все лишь подтолкнет к изощренности лиц, применяющих пытки, но не обеспечит жизнеспособный законный запрет» (Экономический и Социальный Совет, доклад Комиссии по правам человека 1995/34). Вместо этого, уровень тяжести необходимо оценивать в каждом конкретном случае, в том числе, учитывая личные обстоятельства жертвы. Как и в случае международного права в области прав человека, причинение психического, а также физического вреда входит в сферу определения пытки (*Прокурор против Квочки и других*, 2001).

С точки зрения установления ответственности за уголовное преступление, согласно доктрине международной уголовной ответственности, вина за осуществление пыток и плохого обращения не ограничивается только теми лицами, которые совершили это преступление. Согласно Уставам МТБЮ и МУТР, «лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступления, указанного в статьях... настоящего Устава, несет личную ответственность за это преступление». Примечательно, что в деле *Кунараца* МТБЮ постановил, что не только государственные должностные лица, но также лица, выступающие в личном качестве, могут быть привлечены к ответственности за совершение международных преступлений, в том числе пыток, в ситуациях вооруженного конфликта (*Прокурор против Кунараца, Ковача и Вуковича*, 2002, п. 469-497). Обсуждения вопроса «официального качества» могут быть в основном найдены в прецедентной практике МТБЮ (*Прокурор против Фурунджия* 1998; см. также *Прокурор против Акаесу*, 1998). В противоположность этому в Римском

статуте не оговаривается требование присутствия в официальном качестве, чтобы назначить уголовную ответственность за пытки.

В Уставах МТБЮ и МУТР прописаны акты, которые представляют собой другие формы плохого обращения в рамках юрисдикции Трибуналов. Цель и тяжесть акта являются важными при проведении различия между пыткой и другими преступлениями в виде жестокого обращения. В тех случаях, когда установить наличие незаконной цели, как например, получение информации, не представлялось возможным, такой акт классифицировался Трибуналами как плохое обращение. В частности, бесчеловечное обращение, как преступление согласно уставу МТБЮ, является «намеренным действием или бездействием, которое при объективном рассмотрении является умышленным и не случайным, и которое причиняет психический вред или физические страдания или травмы или представляет собой серьезное покушение на человеческое достоинство» (*Прокурор против Делалича и других*, 1998, п. 563). При определении элемента «намерения» подход МТБЮ заключался в том, что «исполнитель мог действовать преднамеренно или преднамеренно бездействовать, однако одной преднамеренности недостаточно. Тогда как исполнитель необязательно должен был иметь конкретное намерение унижить или оскорбить жертву, он должен был осознавать, что это является предсказуемым и логичным последствием его действий» (*Прокурор против Алексовски*, 1999, п. 56).

Также нужно отметить, что если все акты пыток представляют собой бесчеловечное обращение, то обратное утверждение не является верным, поскольку бесчеловечное обращение является более широкой концепцией и включает акты, которые могут вызвать нравственную и физическую боль и страдания, но не соответствуют критерию сильной нравственной и физической боли или страдания, необходимому для установления пытки. Степень тяжести, таким образом, является фактором для проведения различия.

Международный уголовный суд

В соответствии с [Римским статутом 1998 года](#), учреждающим [Международный уголовный суд](#) (МУС), пытки классифицируются как преступление против человечности и военное преступление. Согласно статье 7(1)(f) Римского статута, пытки входят в категорию преступления против человечности, подпадающего под юрисдикцию МУС, «когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и, если такое нападение совершается сознательно». В частности, в статье 7(2)(e) пытки определяются как «умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого; но пытками не считается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

Существуют некоторые различия между определением пытки согласно Римскому статуту и определениями международных и региональных инструментов, рассмотренных ранее, а также определениями, применяемыми специальными трибуналами. Одним из отличительных признаков является более узкий подход Статута к определению, согласно которому пытка применяется к «лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого», что может исключать некоторые акты пыток, как, например, разовые или неофициальные случаи применения пыток из его правовой сферы.

В отношении военных преступлений в статье 8(2)(a)(ii) Римского статута «пытки или бесчеловечное обращение» квалифицируются как «серьезное нарушение» Женевских

конвенций. С точки зрения элементов этих преступлений они определяются МУС следующим образом (МУС, 2011):

Военное преступление в виде пытки:

1. Исполнитель причинил сильную физическую или психическую боль или страдания одному или нескольким лицам.
2. Исполнитель причинил боль или страдания в таких целях, как получение информации или признания, наказание, запугивание или принуждение, или же по какой-либо причине, основанной на дискриминации любого рода.
3. Такое лицо или такие лица находились под защитой одной или нескольких Женевских конвенций 1949 года.
4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом защищаемом статусе.
5. Деяние имело место в контексте международного вооруженного конфликта и было связано с ним.
6. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта.

Военное преступление в виде бесчеловечного обращения:

1. Исполнитель причинил сильную физическую или психическую боль или страдания одному или нескольким лицам.
2. Такое лицо или такие лица находились под защитой одной или нескольких Женевских конвенций 1949 года.
3. Исполнителю были известны фактические обстоятельства, свидетельствовавшие об этом защищаемом статусе.
4. Деяние имело место в контексте международного вооруженного конфликта и было связано с ним.
5. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта

Как следует из этих условий, важным отличием между «пыткой» и «бесчеловечным обращением» является элемент цели, который необходим в случае пытки: «получение информации или признаний, наказание, запугивание или принуждение, или же по какой-либо причине, основанной на дискриминации любого рода», что схоже с подходом ряда договоров, рассмотренных ранее в данном Модуле.

В дополнение к этому в ситуациях как международного, так и немеждународного конфликта плохое обращение может подпадать под категорию «других серьезных нарушений применимых законов и обычаев». Что касается международного вооруженного конфликта, то согласно статье 8(2)(b)(xxii), «посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение» относится к этой категории.

Аналогичным образом, в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта соответствующие положения предусмотрены в статье 8(2)(c)(i) «посягательство на жизнь и личность, в частности, убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки», и статье 8(2)(c)(ii) «посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение». В данном контексте предполагается, что эти акты совершаются «в отношении лиц, не принимающих активного участия в военных действиях, включая военнопленных, сложивших оружие, и лиц, выведенных из строя в результате болезни, ранения, содержания под стражей или по любой другой причине».

Наказание осужденных террористов в виде смертной казни

Еще одна деликатная тема, которая затрагивает вопросы пыток и плохого обращения, в том числе в отношении осужденных террористов, касается вынесения смертного приговора в качестве наказания. Как обсуждалось в Модуле 8, международное сообщество в целом движется в сторону всеобщей отмены смертной казни *de jure* или, по крайней мере, *de facto*, несмотря на то что ряд государств по-прежнему имеют возможность назначать такой вид наказания, в том числе в соответствии с национальными антитеррористическими законами.

В некоторых случаях это создает дополнительные проблемы для тех государств, которые желают ратифицировать [Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#) (КПП ООН), но при этом стремятся сохранить применение смертной казни в качестве возможного наказания. О существовании такой дилеммы свидетельствует недавний отчет Комиссии по правовым вопросам Индии (2017), в которой смертная казнь сохранена. Рекомендую правительству Индии ратифицировать КПП ООН и включить ее положения во внутреннее законодательство (посредством законопроекта, разработанного Комиссией по правовым вопросам), Комиссия предприняла попытку провести различие между различными формами наказания относительно того, достигают ли они пороговый уровень, чтобы считаться пыткой:

В 2012 году Специальный докладчик ООН представил Генеральной Ассамблее свой доклад о смертной казни и запрещении пыток. В докладе отмечается, что, хотя смертная казнь не представляет собой нарушение запрета применения пыток и жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, некоторые связанные с ней аспекты, например, определённые методы казни, а также нахождение в камерах смертников, могут подпадать под сферу действия данной конвенции. Тем не менее, следует отметить, что такой взгляд на пытки и смертную казнь применим только к тем странам, которые под видом законных санкций применяют варварские казни (например, смерть через побивание камнями), в чем явно прослеживаются признаки пытки (п. 1.16).

Существует три основных вопроса, возникающих в связи с пытками в этом контексте:

Феномен «камеры смертников»

Первый вопрос затрагивает так называемый феномен «камеры смертников» и сопутствующий «синдром камеры смертников», подразумевающий негативные последствия содержания в камере смертников. Это явление может охватывать содержание на протяжении длительных периодов времени в камере одиночного заключения и психическое беспокойство, а также эмоциональные страдания, которые испытывают заключенные в ожидании своей смерти; при этом термин «синдром камеры смертников» используется для описания психических расстройств, которые могут развиваться как следствие феномена «камеры смертников». В качестве примера можно привести знаковое дело ЕСПЧ *Серинг против Соединённого Королевства*, которое будет обсуждаться в разделе тематических исследований ниже. Так, в своем заключении в деле *Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки* (1993) Тайный совет отметил:

Сама возможность повешения человека после того, как он находился в заключении приговоренных к смерти на протяжении многих лет, вызывает отвращение на

уровне инстинкта. Что стоит за этим инстинктивным отвращением? Единственным ответом может быть наша гуманность...Казнь этих людей, после того как они содержались под стражей в муках неизвестности на протяжении стольких лет, будет являться бесчеловечным наказанием в смысле [конституции Ямайки].

Касаясь данных вопросов, Комиссия по правовым вопросам Индии упомянула принцип, который был сформулирован в деле *Шатругхан Чаухан против правительства Индии* (2014, п. 54). В данном деле Верховный суд в ходе обсуждения сферы применения понятия пытки при исполнении смертных приговоров отметил, что «...необоснованная, чрезмерная и неоправданная задержка при приведении в исполнение смертных приговоров, безусловно, относится к пытке..... При этом природа задержки, т.е. то, является ли она необоснованной или неоправданной, должен оцениваться на основе фактов конкретных случаев и невозможно составить какие-либо исчерпывающие указания в этом отношении».

Методы казни

Здесь необходимо затронуть вопрос методов, посредством которых осуществляется казнь осужденного, и которые могут отличаться в разных странах – от использования смертельных инъекций, повешения, электрического стула, расстрела до забивания камнями. В этой связи актуально Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 20. Во-первых, он вновь напоминает о сфере применения статьи 7 [Международного пакта о гражданских и политических правах](#) (МПГПП), в частности, что она применяется как в отношении причинения физической боли, так и психических страданий (п. 5). Во-вторых, вновь утверждая, что полная отмена смертной казни является желательной (ссылаясь на УВКПЧ, Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 6), Комитет подчеркнул, что «когда какое-либо государство-участник применяет смертную казнь за самые тяжкие преступления, она не только должна строго ограничиваться в соответствии со статьей 6, но и должна приводиться в исполнение таким образом, чтобы причинять как можно меньше физических и психических страданий» (п. 6).

Содержание в одиночной камере

Другой ключевой вопрос затрагивает проблему содержания в одиночной камере, уделяя особое внимание лицам, приговорённым к смертной казни. Государства нередко пытаются содержать задержанных по подозрению в преступлениях, связанных с терроризмом, в условиях особых тюремных режимов, в том числе в одиночных камерах, чтобы не допустить их контактов с другими заключёнными или другими членами их террористической организации за пределами тюремного учреждения, попыток вербовки других заключённых или подготовки побега.

Ряд органов по правам человека пришел к заключению, что содержание в одиночной камере может превысить порог, установленный в отношении пыток и жестокого обращения. Например, в Замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека также отмечает, что «продолжительное одиночное заключение содержащегося под стражей или лишённого свободы лица может приравниваться к актам, запрещенным статьей 7» (п. 6). При этом Совет Европы придерживается прагматичного подхода, признавая проблемы, возникающие из-за таких лиц, наряду с «императивами борьбы с терроризмом». Его подход, таким образом, заключается в допустимости таких мер при условии соблюдения определенных гарантий: «в отношении лиц, лишённых свободы в связи с террористической деятельностью, во всех случаях должно проявляться уважение

достоинства, присущего человеческой личности» (п. 1); и «пропорциональность принятой меры преследуемой цели» (п. 2). Допустимые ограничения могут относиться к:

- (i) Регламентации порядка передачи сообщений и досмотра корреспонденции, в том числе между адвокатом и его клиентом;
- (ii) Помещению лиц, лишенных свободы в связи с террористической деятельностью в тюремные блоки, отвечающие специальным требованиям безопасности;
- (iii) Рассредоточению этих лиц в пределах одного пенитенциарного учреждения или по различным учреждениям (Совет Европы 2005, Руководящие принципы XI).

Специальным докладчиком Совета по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания был подготовлен доклад по вопросам одиночного содержания. В нем он отмечает, что «не существует международно согласованного определения одиночного содержания. В Стамбульском заявлении об использовании и последствиях содержания в одиночной камере одиночное заключение определяется как физическая изоляция лиц, которые находятся в своих камерах в течение 22-24 часов в день. Во многих юрисдикциях заключенным, содержащимся в одиночных камерах, разрешается покидать их лишь на один час для одиночных прогулок. Разумные контакты с другими людьми обычно сводятся до минимума». Стамбульское заявление затрагивает вопросы использования и последствий содержания в одиночной камере, в частности, с точки зрения психологических травм (см. [Одиночное содержание](#)).

По мнению Специального докладчика, использование бессрочного или продолжительного одиночного содержания, которое он определяет как период одиночного содержания более 15 дней, является нарушением запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, при этом он отмечает, что «чем дольше срок одиночного содержания или чем выше степень неопределенности в отношении этого срока, тем больше опасность нанесения серьезного и невосполнимого ущерба заключенному, что может быть приравнено к жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и наказанию или даже применению пыток» (доклад Генеральной Ассамблеи 66/268, п. 58). Несмотря на отсутствие международной договоренности относительно того, что является «длительным» одиночным содержанием, Европейский комитет по предупреждению пыток также придерживается мнения, что 15 дней составляют максимально допустимый срок одиночного содержания (Совет Европы, Комитет по предупреждению пыток, 2011, стр. 39-50).

Что касается реагирования системы уголовного правосудия на терроризм, то он с озабоченностью отметил:

В некоторых юрисдикциях расширилась практика использования длительного или бессрочного одиночного содержания в контексте «войны с террором» и «угрозы национальной безопасности». Лица, в отношении которых применен один из указанных видов наказания, в некотором смысле попадают в тюрьму будучи внутри тюрьмы и поэтому страдают от крайней формы тревоги и изоляции, что уже нельзя назвать обычным тюремным заключением. Изоляция заключенных, подвергнутых длительному или бессрочному одиночному содержанию, приводит к тому, что они выпадают из поля зрения системы правосудия, а это затрудняет защиту их прав даже в тех государствах, которые строго соблюдают принцип верховенства права. (п. 57).

Упражнения и тематические исследования (кейсы)

Данный раздел содержит предложения по аудиторным или подготовительным учебным упражнениям, в то время как задание для выполнения после занятия, предназначенное для оценки понимания учащихся, предложено в отдельном разделе.

Упражнения в этом разделе лучше всего подходят для групп до 50 учащихся, которых можно легко разделить на небольшие группы для обсуждения примеров или проведения работы перед тем, как представители группы представят ее результаты всей аудитории. Несмотря на то, что можно иметь такую же структуру из небольших групп в большой аудитории, состоящей из нескольких сотен учащихся, это более сложно, и лектор, возможно, пожелает адаптировать методы работы с группами, обеспечив достаточное время для групповых обсуждений и представления обратной связи всей аудитории. Самый простой способ провести обсуждения в небольших группах в большой аудитории – попросить учащихся обсудить вопросы с четырьмя или пятью учащимися, сидящими рядом с ними. Дайте ограничение по времени, но не все группы смогут предоставлять обратную связь в каждом упражнении. Лектору рекомендуется делать произвольный выбор и пытаться предоставить возможность обратной связи хотя бы один раз за время занятия всем группам. Если время позволяет, лектор может провести общее обсуждение после представления каждой группой обратной связи.

Все упражнения в этом разделе подходят для студентов, как магистратуры, так и бакалавриата. Однако, поскольку знания учащихся перед началом обучения и то, насколько они сталкивались с ними, сильно отличаются, решения о целесообразности упражнений должны основываться на их образовательном и социальном контексте.

Упражнение 1: Опрос с помощью мобильного телефона (см. Методическое пособие)

В начале занятия перед тем как начать изучение материалов по теме, оцените отношение студентов к применению пыток в сценарии «бомба замедленного действия», чтобы определить уровень базового понимания вопросов, а также их точку зрения на правовые, моральные и этические аспекты. Затем повторите это упражнение в конце занятия, чтобы определить, поменялось ли их отношение, и если да, то каким образом.

Сценарий

Представьте, что вы являетесь сотрудником правоохранительных органов или разведывательных служб. Вами только что был задержан подозреваемый террорист, и у вас есть очень веские основания полагать, что он установил бомбу в близлежащей школе. Время имеет критическое значение, поскольку она может взорваться в любой момент до того, как будет возможно полностью эвакуировать школу, в которой в настоящий момент находятся сотни учащихся и членов их семей (как взрослых, так и детей) на концерте по случаю окончания школы. Чтобы не допустить массовой гибели людей, будете ли вы иметь право сделать «все, что нужно», в том числе применить пытки для того, чтобы

получить от подозреваемого террориста информацию о местонахождении бомбы, прежде чем она взорвется?

Упражнение 2: Опрос с помощью мобильных телефонов или сервиса Plickers (см. Методическое пособие)

В конце занятия проведите еще один опрос в группе для оценки того, изменилось ли отношение к применению пыток в сценарии «бомба замедленного действия» и, если да, то каким образом. Вы можете использовать тот же самый метод, что и в начале занятия, т.е. опрос с помощью мобильного телефона, или же другую версию данного упражнения, для которого лектору необходимо лишь иметь мобильный телефон с приложением Plickers.

Сценарий

Представьте, что вы являетесь сотрудником правоохранительных органов или разведывательных служб. Вами только что был задержан подозреваемый террорист, и у вас есть очень веские основания полагать, что он установил бомбу в близлежащей школе. Время имеет критическое значение, поскольку она может взорваться в любой момент до того, как будет возможно полностью эвакуировать школу, в которой в настоящий момент находятся сотни учащихся и членов их семей (как взрослых, так и детей) на концерте по случаю окончания школы. Чтобы не допустить массовой гибели людей, будете ли вы иметь право сделать «все, что нужно», в том числе применять пытки для того, чтобы получить от подозреваемого террориста информацию о местонахождении бомбы, прежде чем она взорвется?

Кейс 1: Принцип невысылки

*Эльми против Австралии**

В этом деле лицо утверждало, что его депортация в Сомали будет являться нарушением статьи 3 Конвенции ООН против пыток, так как ему грозила значительная опасность применения пыток со стороны сомалийских ополченцев. Государство аргументировало это тем, что поскольку эти группы не являются государственными акторами, положения статьи 3 к ним не применимы. В ответ на это автор сообщения заявил, что эти группы практически выполняли роль, сопоставимую с государственной, поскольку они издавали свои собственные законы и внедряли свои собственные правоохранительные механизмы.

Комитет против пыток выразил следующее мнение:

Комитет не разделяет мнение государства-участника о том, что Конвенция не применима в данном случае, поскольку, как считает государство-участник, акты пыток, которых опасается автор в случае его возвращения в Сомали, не попадают под определение «пытки, содержащееся в статье 1 (т.е. боль и страдания, причиняемые государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по подстрекательству или с их ведома или молчаливого согласия; в данном случае по соображениям дискриминации).

Комитет отмечает, что на протяжении уже нескольких лет в Сомали отсутствует центральное правительство, международное сообщество ведет переговоры с враждующими группировками и некоторые из группировок, действующих в Могадишо, создали квазиправительственные учреждения и в настоящее время ведут переговоры о создании общей администрации. Из этого следует, что эти группировки практически осуществляют некоторые преимущественные права, которые сопоставимы с прерогативами, обычно принадлежащими законным правительствам. Поэтому члены таких группировок могут в целях применения Конвенции попадать под определение «государственных должностных лиц или других лиц, выступающих в официальном качестве», содержащееся в статье 1 (п. 6.5).

* ООН, Комитет против пыток (1999). [Садик Шек Эльми против Австралии, Сообщение № 120/1998](#). CAT/C/22/D/120/1998.

Кейс 2: Запрет пыток в контексте Африки

*Институт по правам человека и развитию в Африке (от имени Эсмаили Коннатех и 13 других) против Анголы**

В марте, апреле и мае 2004 года, г-н Эсмаили Коннатех и 13 других граждан Гамбии были задержаны и депортированы из Анголы. Депортированные утверждали, что они «содержались в центрах содержания под стражей... в условиях, непригодных для нахождения людей». Они утверждали, что «лагеря для задержанных изначально... использовались для содержания в них животных, вплоть до преобразования этих помещений в центры содержания под стражей, рассчитанные примерно на 300 человек, и для содержания в них задержанных были предприняты минимальные меры, в том числе чтобы убрать отходы животных». Помимо того, что задержанные находились пять дней подряд в помещении без крыши и стен, в центре содержания под стражей Кафунфу санузел представлял собой две емкости, рассчитанные на более чем 500 задержанных, которые находились в том же помещении, где принимали пищу и спали все задержанные.

В некоторых случаях, согласно их утверждениям, они «столкнулись с суровыми условиями, в том числе отсутствием медицинской помощи, пищи, неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями...». Африканская комиссия с обеспокоенностью отметила, что «такое обращение не может быть названо ничем другим, как унижающим достоинство и бесчеловечным». В этих целях, Комиссия сослалась на своё решение № 224/1998 по делу Media Rights Agenda против Федеральной Республики Нигерии, в котором постановила, что термины «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение» должны толковаться таким образом, чтобы обеспечить наиболее широкую защиту от ненадлежащего обращения, физического или психического характера», имея в виду любой акт - от запрещения контактов с семьей человека и отказа сообщить его семье место его содержания и до условий содержания в переполненных камерах, избиваний и применения других форм физических пыток, как, например, лишение света, недостаточное питание или отсутствие доступа к лекарствам или медицинской помощи».

Африканская комиссия далее подтвердила свою позицию в деле *Huri-Laws против Нигерии*, в котором вынесла решение, что «обращение, которому была подвергнута

жертва» представляло собой психическую травму и, соответственно, являлось «нарушением статьи 5 Африканской хартии, а также минимальных стандартов правил обращения с заключенными, изложенными ООН». Государство-ответчик не предоставило ничего, чтобы опровергнуть эти обвинения, таким образом, Африканская комиссия считает, что Ангола нарушила статью 5 Африканской хартии».

Как и ЕСПЧ, Африканская комиссия подчеркивала важность анализа полного контекста дела при определении минимального порога для жестокого обращения, в том числе длительность периода, в течение которого происходили пытки, последствия такого обращения и личные обстоятельства жертвы (*Huri-Laws против Нигерии*, 2000, п. 41).

Африканская хартия прав человека и народов (АХПЧН) также предусматривает более строгие положения по сравнению с другими международными документами в отношении обязанности по защите лиц от жестокого обращения со стороны негосударственных акторов, согласно которым «каждый человек обязан уважать всеми возможными средствами и [в случае, когда существует] обязанность каждого человека уважать это «неотъемлемое» право» (*Пурохит и Мур против Гамбии*, 2003, п. 57). Тем не менее, только государства, или официальные органы, связанные с государством, могут быть признаны ответственными за нарушения. По мнению Комиссии, сюда входят случаи, когда государства даже не совершали нарушения, а всего лишь не смогли обеспечить осуществление этого права (такое мнение было высказано в деле *Национальная комиссия по правам и свободам человека против Чада*, 1995, п. 20). И хотя существовал целый ряд дел, касающихся обязательства государства по защите лиц от применения жестокого обращения со стороны негосударственных акторов, именно в деле *Zimbabwe Human Rights NGO Forum против Зимбабве* этот вопрос был изучен и сформулирован более подробно. В этом деле Комиссия сослалась – и в конечном итоге расширила сферу применения строгих требований – на работу Межамериканского суда по вопросу должной осмотрительности, в частности его выводы в деле *Веласкеса Родригеса против Гондураса*, и заключила:

Право в области прав человека налагает на государства обязательства по защите граждан или физических лиц, попадающих под их юрисдикцию, от причиняющих вред действий других лиц. Таким образом, противоправный акт, который совершается частным лицом и вина за который не может быть непосредственно возложена на государство, может повлечь для государства международно-правовую ответственность не в силу факта деяния как такового, но в связи с не проявлением государством надлежащего внимания к предотвращению такого нарушения или непринятием необходимых мер по обеспечению компенсаций для жертв... Отдельные случаи просчетов политики или неприменения санкций не могут отвечать требованиям, по которым необходимо принятие международных мер (*Zimbabwe Human Rights NGO Forum против Зимбабве*, 2006, п. 143 и 159).

Основываясь на этом деле, Комиссия пояснила, что обязательства возникают именно в связи с отсутствием систематических гарантий защиты от действий негосударственных акторов. Строгий подход Комиссии можно также продемонстрировать на примере стандартов, предъявляемых в отношении обязанности по расследованию, когда в этом же деле было определено, что неэффективное расследование необязательно должно считаться нарушением. В каждом конкретном случае вопросы должны рассматриваться индивидуально.

*Моним Элгак, Осман Хаммейда и Амир Сулиман (от имени IFHR WOAT)
против Судана***

Г-н Сулиман, г-н Хаммейда и г-н Элгак являлись известными правозащитниками и утверждали, что они «были арестованы, подвергнуты пыткам и содержались под стражей в связи с их правозащитной деятельностью» «сотрудниками Службы национальной безопасности и разведки (СНБР) в Хартуме». Заявители указали на «всепроникающую атмосферу страха» и «различные акты», «в том числе удары кулаками..., лишение сна и отказ в доступе к медицинскому обслуживанию... с целью получения информации». По их словам, они не «могли подать жалобу в Верховный суд пока находились под стражей». Г-н Элгак позднее направил открытое письмо на имя Генерального директора СНБР, которое получило широкую огласку в Судане и за его пределами. Никакого ответа на открытое письмо, в котором содержалось описание их пыток, получено не было.

В этом деле Африканская Комиссия отметила, что «заявители представили доказательства в виде медицинского заключения и свидетельских показаний под присягой», что «обращение, которому они подверглись» «как по отдельности, так и в сочетании» «привело к сильной физической боли и страданиям». Эти факты «не оспаривались государством-ответчиком», [которое не] «представило каких-либо записей или подтверждений, чтобы доказать, что Верховный суд внимательно следил за ситуацией..., как это и надлежало делать. [Он], по крайней мере, должен иметь запись, когда, каким образом, почему и где они содержались под стражей, а также условия, в которых их содержали, допрашивали и обращались с ними».

Комиссия подтвердила:

Государства несут обязательство не только по обеспечению абсолютного запрета на пытки в соответствии с их законодательством, но также и его применению на практике. В тех случаях, когда имеются утверждения о применении пыток, и это доводится до сведения государства, оно также несет обязательство начать незамедлительное, беспристрастное и эффективное расследование с целью установить достоверность таких утверждений и привлечь виновных к ответственности, если такие утверждения окажутся обоснованными, а также предоставить возмещение жертвам. Комиссия отмечает, что уже было установлено – утверждения о применении пыток, о которых говорится в настоящем Сообщении, были должным образом доведены до сведения властей государства-ответчика. Тем не менее, нет никаких свидетельств, которые позволили бы заключить, что государство-ответчик предприняло какие-либо меры, чтобы расследовать эти утверждения и привлечь виновных к ответственности....

В данных обстоятельствах Комиссия приняла решение о нарушении прав авторов сообщения в соответствии со статьей 5 Африканской хартии прав человека и народов, а также об «ответственности государства-ответчика в соответствии со статьей 1», поскольку «оно не выполнило свои обязательства по признанию прав, свобод и обязанностей, закрепленных в Хартии, и принятию законодательных и других мер для их осуществления».

Африканская хартия также может быть истолкована как налагающая обязательство на государства по криминализации пыток и жесткого обращения посредством комбинированного прочтения статьи 1 и статьи 5. Африканская комиссия также отметила, что обязательства государства согласно Африканской хартии включают положительное обязательство по «преследованию в судебном порядке и наказанию негосударственных акторов, совершающих нарушения». «Наличие правовой системы, предусматривающей

криминализацию и санкции за нападения и насилие, само по себе будет недостаточным. Правительству необходимо осуществлять свои функции для эффективного обеспечения расследования таких случаев проявления насилия и их наказания на практике» (*Форум НПО по правам человека в Зимбабве против Зимбабве*, 2006, п. 159). В этом отношении государствам также необходимо установить процедурные гарантии, обеспечивающие соблюдение этого запрета.

*Кейс: Египетская инициатива по правам человека и Interights против Арабской Республики Египет ****

Г-н Саббах, г-н Абу-Гареер и г-н Ал-Нахлави были «преданы суду и приговорены к смертной казни после того, как им были предъявлены обвинения во взрывах на Синайском полуострове в Египте 6 октября 2004 года и 23 июля 2005 года». Эти три человека утверждали, что «агенты Службы государственной безопасности (СГБ) применяли [к ним] различные виды пыток и жестокого обращения в ходе их содержания под стражей с тем, чтобы они «признались» Государственному обвинителю в своей причастности к взрывам в Таба». Авторы сообщения утверждали, что «они содержались без связи с внешним миром в течение длительного периода времени, не имея доступа к адвокату». Они также утверждали, что им «были предъявлены обвинения в преступлениях, связанных с взрывами в Таба, и их дело рассматривал Верховный суд по вопросам государственной безопасности в рамках судебного процесса, сопровождавшегося различными процессуальными и материально-правовыми нарушениями». Они также утверждали, что «решение суда основывалось по существу на «признаниях», полученных с помощью пыток и продолжительного плохого обращения», и никому из них «не было разрешено присутствие адвоката на важнейшем начальном этапе допросов».

Африканская комиссия пришла к заключению:

Государству-ответчику необходимо понимать, что оно несет положительные обязательства по обеспечению доступа к независимой правовой помощи в соответствии с Хартией, что является непреложным требованием международного запрета пыток и жестокого обращения. Африканская комиссия признает право на получение доступа к адвокату как одну из «базовых процессуальных гарантий для лиц, лишенных свободы» и как один из необходимых защитных механизмов против злоупотреблений в ходе досудебного разбирательства. В данном деле имеет место нарушение обязательства по разрешению доступа к адвокату или независимой юридической помощи (...). Африканская комиссия убеждена, что жертвам не был предоставлен доступ на критически важном раннем этапе задержания, в том числе в ходе допросов, когда существует наибольший риск применения пыток и плохого обращения.

По мнению Африканской комиссии «право задержанного на незамедлительное обращение в суд... являлось вопросом международного права... и первостепенным аспектом предупреждения и недопущения пыток и плохого обращения». В *Роббен-Айлендских руководящих принципах* Африканская комиссия аналогичным образом признает, что право незамедлительно предстать перед судебным органом является важнейшим инструментом предупреждения пыток и плохого обращения.

* Африканская комиссия по правам человека и народов. [*Институт по правам человека и развитию в Африке \(от имени Эсмаили Коннатех и 13 других\) против Анголы*](#), Сообщение № 292/04. 22 мая 2008 г.

** Африканская комиссия по правам человека и народов. [Моним Элгак, Осман Хуммейда и Амир Сулиман \(от имени IFHR WOAT\) против Судана](#), Сообщение № 379/09. 10 марта 2015 г.

*** Африканская комиссия по правам человека и народов. [Египетская инициатива по правам человека и Interights против Арабской Республики Египет](#), Сообщение № 334/06. 1 марта 2011 г.

Кейс 3: Бесчеловечное обращение

*Лоайса Тамайо против Перу **

В этом деле речь шла об аресте и содержании под стражей преподавателя Марии Елены Лоайса Тамайо государством Перу на основании утверждения о ее участии в деятельности террористической группы «Сияющий путь».

Государством не было проведено расследование до ее ареста, как и не был получен ордер на ее арест. После ареста она предстала перед судом, где ей было предъявлено обвинение в преступлениях, связанным с терроризмом, и измене родине. Она содержалась под стражей без связи с внешним миром на протяжении 10 дней без каких-либо контактов со своей семьей и подвергалась пыткам, жестокому и унижающему достоинству обращению, а также незаконному давлению. Это включало «угрозы утопить ее ночью на пляже, а также изнасилования, которым она подверглась со стороны сотрудников Национального управления по борьбе с терроризмом (ДИНКОТЕ)», чтобы заставить ее свидетельствовать против себя и признаться в том, что она является членом предполагаемой террористической организации.

Межамериканский суд пришел к заключению, что Перу нарушило право Тамайо на человеческое обращение в нарушение статьи 5 Американской конвенции о правах человека. Суд признал, что нарушение права на физическую и психическую неприкосновенность лица имеет различные степени и подразумевает обращение, которое может варьироваться от применения пыток до других форм жестокого, бесчеловечного и унижающего обращения с различной степенью психических и физических последствий, обусловленных внутренними и внешними факторами. Эти факторы должны быть установлены в каждой конкретной ситуации.

* [Лоайса Тамайо против Перу](#), Решение от 17 сентября 1997 года, Межамериканский суд по правам человека, Серия С, № 33.

Кейс 4: Отличия пыток от других форм плохого обращения

*Ирландия против Соединённого Королевства**

В период с августа 1971 года по декабрь 1975 года власти Соединённого Королевства ввели специальный правовой режим, который позволял задерживать, арестовывать и интернировать лиц в Северной Ирландии.

В этом деле речь шла об обращении правительства Ирландии с жалобой относительно сферы применения и реализации мер, в частности, практики применения

психологических методов допроса (стояние в течение длительного времени у стены с плотно накрытой головой, истязание шумом, лишение сна, пищи и воды) в ходе задержаний в целях допроса, главным образом, по отношению к задержанным, подозреваемым в участии в террористической деятельности. ЕСПЧ пришел к заключению, что такие методы причиняют тяжелые физические и психические страдания в нарушение запрета бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в соответствии со статьей 3 ЕКПЧ**.

Принимая решение, Суд учитывал разграничение между пыткой, бесчеловечным обращением и унижающим обращением, посчитав, что такое разграничение необходимо в виду «особой стигматизации» пыток. Было подтверждено, что акт должен причинять сильные и жестокие страдания, чтобы попадать под определение пыток. В частности, ЕСПЧ признал, что применение «пяти техник» вызывало «если не телесные повреждения, то, по крайней мере, интенсивные страдания, ведущие к психическим нарушениям в ходе допросов», которые «квалифицировались как бесчеловечное обращение, однако не достигали той интенсивности и жестокости, которые предполагает понятие «пытка».

Суд не стал следовать подходу к толкованию Комиссии в *Греческом деле*, в котором такое обращение было квалифицировано как пытка, по сути, отказавшись от разграничения на основе цели акта в пользу субъективного анализа интенсивности боли и страданий, вызванных применением этих методов. Согласно такому разграничению, унижающее обращение, которое достигает определённого уровня интенсивности, может также квалифицироваться как бесчеловечное обращение или даже пытка. Метод «порога интенсивности» был подтвержден и применен в ряде последующих решений Суда и Комиссии.

* [Ирландия против Соединенного Королевства](#) (Заявление № 5310/71), Решение от 18 января 1978 г., Европейский суд по правам человека, п. 167.

** данный подход отражает также подход Комитета ООН по правам человека, который выражал озабоченность относительно «использования расширенных методов допроса, таких как принуждение к длительному нахождению в напряженных позах и изоляция, надевание на голову мешка, ограничения сна и пищи, ведение допроса в течение 20 часов без перерыва, лишение одежды, а также всех личных предметов гигиены или предметов для молитвы, принудительное бритье бороды и волос, а также использование фобий заключенного, чтобы вызвать страх» (ООН, Комитет по правам человека (2006). [Заключительные замечания Комитета по правам человека: Соединенные Штаты Америки](#). 18 декабря. CCPR/C/USA/CO/3/Rev1. п. 13.

Кейс 5: Допустимость доказательств, полученных под пыткой

*Эль-Хаски против Бельгии**

Эль-Хаски, гражданину Марокко, проживающему в Бельгии, были предъявлены обвинения в различных преступлениях, связанных с участием в террористической деятельности в качестве предполагаемого члена Марокканской исламской боевой группы (МИБГ).

В ходе слушания суду были предъявлены свидетельские показания, полученные от лиц в третьих странах, в том числе Франции, Испании и Марокко, после их ареста по подозрению в причастности к взрывам в Касабланке в 2003 году, в результате которых погибло почти 50 человек.

Эль-Хаски был осужден на основе таких показаний и приговорён к 7 годам заключения. Он утверждал, что показания этих свидетелей были получены в результате пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, и, таким образом, принятие их к рассмотрению противоречит предусмотренному в статье 6 ЕКПЧ праву на справедливое судебное разбирательство. Суд согласился, что использование в качестве доказательств показаний, полученных вследствие обращения, противоречащего статье 3 ЕКПЧ, является нарушением прав обвиняемого согласно статье 6. При принятии этого решения Суд учитывал свое предыдущее постановление в деле *Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства***, в котором он постановил, что депортация в Иордан – где существует реальная угроза того, что показания, полученные под пыткой, будут использованы против Отмана при повторном судебном разбирательстве - противоречит статье 6, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство. В деле Отмана, подчеркивая важность исключения из числа доказательств показания, полученные за счет пыток, ЕСПЧ отметил, что «показания, полученные под пыткой, исключаются в целях обеспечения беспристрастности судебного процесса и в конечном итоге самого принципа верховенства права».

С точки зрения удовлетворения бремени доказывания, ЕСПЧ определил, что обвиняемому было достаточно продемонстрировать, что имелась «реальная угроза» того, что показания получены в результате пыток или бесчеловечного, или унижающего достоинство обращения. Применение более высокого стандарта доказывания, такого как «не оставляющего никаких разумных сомнений» [фундаментальный принцип системы уголовного правосудия Бельгии (а также Соединенного Королевства, учувствовавшего в рассмотрении этого дела)] будет противоречить статье 6 ЕКПЧ. По фактам дела после изучения ряда докладов, опубликованных различными правозащитными учреждениями ООН и неправительственными организациями о широкомасштабном применении пыток в центрах содержания под стражей в Марокко в период, относящийся к обстоятельствам дела, Суд посчитал, что такой «реальный риск» существовал и что Эль-Хаски выполнил требования этого стандарта.

* [*Эль-Хаски против Бельгии*](#) (Заявление № 649/08), Постановление от 25 сентября 2012 г., Европейский суд по правам человека.

** [*Отман \(Абу Катада\) против Соединенного Королевства*](#) (Заявление № 8139/09), Постановление от 17 января 2012 г., Европейский суд по правам человека.

Кейс 6: Феномен «камеры смертников» и одиночное заключение

*Серинг против Соединённого Королевства**

Данное дело касалось возможной экстрадиции в США гражданина ФРГ, чтобы он мог предстать перед судом в штате Вирджинии, США, по обвинению в убийствах. Серинг утверждал, что, если он будет признан виновным и осуждён на смертную казнь, он будет испытывать явление «камеры смертников». Такое состояние будет нарушать его права в соответствии с ЕКПЧ в связи с экстремальным психологическим напряжением, травмирующим психику, которое может сопровождать ожидание исполнения приговора, и которое, вероятнее всего, будет длиться много лет.

ЕСПЧ счел, что выдача заявителя США означала бы для него реальный риск подвергнуться обращению, превышающему порог, установленный в статье 3 ЕКПЧ. Делая такой вывод, Суд учитывал значительную длительность времени нахождения в камере смертников в экстремальных условиях в США, «в состоянии постоянной и все возрастающей подавленности в ожидании приведения в исполнение смертного приговора», а также личные обстоятельства заявителя, в особенности его возраст и психическое состояние в момент совершения преступления.

Суд также отметил, что правомерной цели экстрадиции преступника можно достигнуть другими средствами, которые не повлекут за собой страданий такой исключительной силы и продолжительности. В силу вышеизложенного, решение Соединенного Королевства выдать заявителя США в случае его выполнения привело бы к нарушению статьи 3 (запрет бесчеловечного или унижающего достоинства обращения) Конвенции.

Дело Полай Кампоса**

Г-н Полай Кампос находился под стражей по обвинению в том, что являлся лидером террористической организации. В своем заключении по сообщению, поданному супругой обвиняемого, Комитет по правам человека также затронул вопрос одиночного содержания и запрета пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. Комитет отметил, что г-н Полай Кампос в течение девяти месяцев находился в «одиночном заключении в камере размером два на два метра, и что помимо ежедневной прогулки или спортивных занятий во дворе тюрьмы он не может видеть дневной свет более 10 минут в день». Комитет выразил «серьезную озабоченность» в связи с этими аспектами его содержания под стражей. Он полагает, что такие условия заключения, «особенно его изоляция на 23 часа в день в маленькой камере, а также тот факт, что он не может видеть дневной свет более 10 минут в день» представляет собой обращение, противоречащее статье 7 МПГПП.

* [Серинг против Соединённого Королевства](#) (Заявление № 14038/88), Судебное решение (пленарное) от 7 июля 1989 г., Европейский суд по правам человека.

** Комитет по правам человека (1998). [Полай Кампос против Перу, Сообщение № 577/1994](#). 9 января. ССРР/С/61/Д/577/1994.

Возможное построение занятия

Этот раздел содержит рекомендации по последовательности обучения и времени, необходимого для достижения результатов обучения путем проведения трехчасового занятия. Лектор может пропустить или сократить некоторые элементы, чтобы выделить больше времени на другие элементы, включая введение, комментарии, помогающие завязать разговор, заключение или короткие перерывы. Структура также может быть адаптирована для более коротких или длительных занятий, учитывая, что продолжительность занятий в разных странах отличается.

- 0 - 10 мин Краткое представление вопроса, результатов обучения в рамках сессии и структуры.
- 10-20 мин *Упражнение 1: Опрос с помощью мобильных телефонов (или сервиса Plickers).*
- 20-60 мин Обсуждение международных рамок в области прав человека. *Обсуждение кейса 1: Принцип невысылки*
- 60-65 мин Перерыв
- 65-120 мин Обсуждение региональных рамок в области прав человека. *Обсуждение одного или нескольких из следующих кейсов: Кейс 2: Запрет пыток в контексте Африки; Кейс 3: Бесчеловечное обращение; Кейс 4: Отличия пыток от других форм плохого обращения; Кейс 5: Допустимость доказательств, полученных под пыткой.*
- 120-125 мин Перерыв
- 125-45 мин Обсуждение вооруженного конфликта
- 145-165 мин Обсуждение наказания террористов путем применения смертной казни. *Обсуждение кейса 6: Феномен «камеры смертников» и одиночное заключение.*
- 165-175 мин *Упражнение 2: Опрос с помощью мобильных телефонов (или сервиса Plickers).*
- 175-180 мин В случае необходимости представление вопросов оценки с соответствующими критериями оценивания.

Основная литература

В данном разделе представлен список материалов, имеющих в свободном доступе, которые лектор может попросить учащихся прочитать перед проведением занятия по данному модулю.

Международные/региональные рамки в области прав человека

- ООН, УВКПЧ (2011). [Толкование пытки в свете практики и юриспруденции международных органов](#).
- ООН, Комитет по правам человека (1992). [Замечание общего порядка №20: Статья 7 \(Запрещение пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания\)](#). 10 марта. HRI/GEN/1/Rev 6.
- ООН, Комитет по правам человека (2017). [Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания](#). 14 февраля. A/HRC/34/54.
- Greer, Steven (2015). [“Is the Prohibition against Torture, Cruel, Inhuman and Degrading Treatment Really ‘Absolute’ in International Human Rights Law?”](#) *Human Rights Law Review*, vol. 15, issue 1, pp. 101-137. (Является ли запрет пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения действительно «абсолютным» в международном праве в области прав человека?)
- Pollard, Matt. [“Torture as a Specific Criminal Offense in Domestic Laws.”](#) *Conference paper*. (Accessed 25 May 2018). («Пытка как конкретное уголовное преступление во внутреннем законодательстве»)
- Schabas, William A. (2006). [“The Crime of Torture and the International Criminal Tribunals.”](#) *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 37, № 2. («Преступление в виде пытки и международные уголовные трибуналы»)
- Anwukah, Obечи J. (2016). [“The Effectiveness of International Law: Torture and Counterterrorism.”](#) *Annual Survey of International Law and Comparative Law*, vol. 21, issue. 1. («Эффективность международного права: пытки и противодействие терроризму»)
- Niyizurugero, Jean-Baptiste and Patrick Lessene (2008). [Роббен-Айлендские руководящие положения и меры по запрещению и предупреждению пыток в Африке: Практическое руководство по применению](#). Аддис-Абеба: Африканская комиссия по правам человека и народов, УВКПЧ, Ассоциация по предотвращению пыток.

Вооруженный конфликт

- Bennoune, Karima (2008). [“Terror/Torture.”](#) *Berkeley Journal of International Law*, vol. 26, issue 1. («Террор/Пытки»)
- Droege, Cordula (2007). [““In Truth the Leitmotiv”: the Prohibition of Torture and other Forms of Ill-Treatment in International Humanitarian Law.”](#) *International Review of the Red Cross*, vol. 89, № 867. («В истине лейтмотива: запрет пыток и других форм жестокого обращения в международном праве»)
- Департамент юстиции США, служба юрисконсульта (2003). [Меморандум для Альберто Р. Гонзалеса, Советника Президента: Стандарты проведения допросов согласно статьи 18 Кодекса США, параграфы 2340-2340A](#). Вашингтон, О.К.: Канцелярия помощника Генерального прокурора.

Дополнительная литература

Данный раздел содержит рекомендуемую дополнительную литературу для учащихся, заинтересованных в изучении вопроса (-ов) Модуля более подробно, а также лекторов, обучающихся по Модулю.

Международные/региональные рамки в области прав человека

- [Mavronicola, Natasa \(2015\). "Crime, Punishment and Article 3 ECHR: Puzzles and Prospects of Applying an Absolute Right in a Penal Context."](#) *Human Rights Law Review*, vol. 15, № 4, pp. 721–743. («Преступление, наказание и статья 3 ЕКПЧ: загадки и перспективы применения абсолютного права в пенитенциарном контексте»)
- Ассоциация по предотвращению пыток (2016). [Руководство по законодательству против пыток](#). Женева: АРТ.
- Schriewer, Berenike (2010). "Why Not Torture Terrorists: Moral, Practical and Legal Aspects of the Ticking Bomb Justification for Torture / Torture, Terror and Trade-Offs - Philosophy for the White House." *German Yearbook of International Law*, vol. 53, pp.1024-1027. («Почему не пытаться террористов: моральные, практические и правовые аспекты использования парадигмы «бомбы замедленного действия» для оправдания пыток/Пытки, террор и компромиссы - философия Белого дома»)
- Rodley, Nigel, and Matt Pollard (2006). "Criminalisation of Torture: State Obligations under the United Nations Convention against Torture." *European Human Rights Law Review*, issue 2, pp. 115-141. («Криминализация пыток: Обязательства государства в соответствии с Конвенцией ООН против пыток»)
- Mujuzi, Jamil D. (2006). "[An analysis of the approach to the right to freedom from torture adopted by the African Commission on Human and Peoples' Rights.](#)" *African Human Rights Law Journal*, vol. 6, № 2, pp. 423-441. («Анализ подхода к праву на свободу от пыток, принятый Африканской комиссией по правам человека и народов»)
- Salinas de Friás, Ana-María, Katja L. H. Samuel and Nigel D. White (2012). *Counter-Terrorism: International Law and Practice*. Oxford: Oxford University Press. Chs 5, 20, 21 and 22. («Противодействие терроризму: международное право и практика»)
- Duffy, Helen (2015). *The 'War on Terror' and the Framework of International Law*. Cambridge University Press. (««Война с террором» и рамки международного права»)
- Heller, Kevin J. (2017). "[Initial Thoughts on the ICC's Decision to Investigate Afghanistan.](#)" *Opinio Juris*, 3 November. («Первоначальные соображения о решении МУС провести расследование по Афганистану»)
- Ahsan, Khwaja A., and Namra Gillani (2014). "Criminalizing Torture in Pakistan." *University College Lahore Human Rights Review*, vol. II. («Криминализация пыток в Пакистане»)
- Ewulum, Boniface E., and Obina Onyebuchi Mbanugo (2015). "[The Position of Torture in the Investigation of Terrorism related Crimes in Nigeria.](#)" *Journal of Law, Policy, and Globalization*, vol. 39. («Позиция пыток в расследовании преступлений, связанных с терроризмом, в Нигерии»)
- ООН, Комитет против пыток (2016). [Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания о его миссии в Шри-Ланку](#). 22 декабря. A/HRC/34/54/Add.2.
- ООН, Комитет против пыток (2015). [Последующий доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или](#)

[унижающих достоинство видах обращения или наказания о его последующем посещении Республики Гана](#). 25 февраля. A/HRC/31/57/Add.2.

- ООН, Комитет против пыток (2016). [Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания о его миссии в Бразилию: Комментарии государства](#). 3 марта. A/HRC/31/57/Add.6.
- Gasper, Brandie (2005). [“Examining the Use of Evidence Obtained under Torture: The Case of the British Detainees May Test the Resolve of the European Convention in the Era of Terrorism.”](#) *American University International Law Review*, vol. 21, № 2, pp. 277-325. («Изучение использования доказательств, полученных под пытками: дело британских задержанных может испытать решимость Европейской конвенции в эру терроризма»)
- Posner, Eric A., and Adrian Vermeule (2005). [“Should Coercive Interrogation be Legal?”](#) *The University of Chicago Public Law and Legal Theory*, Working Paper № 84. («Должен ли закон разрешать применение мер принуждения в допросе? »)
- Hillebrand, Claudia (2009). [The CIA’s extraordinary rendition and secret detention programme European reactions and the challenges of future international intelligence co-operation](#). The Hague: Netherland Institute of International Relations Clingendael. («Программа ЦРУ по чрезвычайной выдаче и тайному содержанию под стражей: реакция Европейского сообщества»)
- Satterthwaite, Margaret L. (2007). [“Rendered Meaningless: Extraordinary Rendition and the Rule of Law.”](#) *George Washington Law Review*, vol. 75, NYU Law School, Public Law Research Paper № 06-36. («Лишена всякого смысла: чрезвычайная выдача и принцип верховенства закона»)
- Weissbrodt, David, and Amy Bergquist (2006). [“Extraordinary Rendition and the Torture Convention.”](#) *Virginia Journal of International Law*, vol. 46, issue 4, pp. 585-650. («Чрезвычайная выдача и Конвенция против пыток»)
- Viljoen, Frans, and Chidi Odinkalu (revisions by Lorna McGregor et Jo-Anne Prud’Homme) (2014). *La Prohibition de la Torture et des Mauvais Traitements dans le Système Africain des Droits de l’Homme: Guide Pratique Juridique a L’Intention Des Victimes et de Leurs Defenseurs*, 2nd ed. *OMCT handook Series*, vol. 3 (World Organization Against Torture (OMCT)). («Запрет пыток и жестокого обращения в африканской системе прав человека: практическое руководство по намерению потерпевших и их защитников»)

Вооруженный конфликт

- Mahfud, Mahfud (2014). [“Extra-Territorial Torture and Inhuman Treatment towards Suspected Terrorists Committed by the U.K. and the U.S. Military Actions”](#). *Indonesian Journal of International Law*, vol. 11, № 2, pp. 219-260. («Экстерриториальное применение пыток и бесчеловечного отношения к подозреваемым в терроризме, совершенное в рамках военных действий Соединенного Королевства и США»)
- Branche, Raphaëlle (2007). [“Torture of Terrorists? Use of Torture in a “War against Terrorism”: Justifications, Methods and Effects: the Case of France in Algeria, 1954-1962.”](#) *International Review of the Red Cross*, vol. 89, № 867, pp. 543-560. («Пытки террористов? Применение пыток в «войне против терроризма»: обоснования, методы и последствия: дело Франции в Алжире, 1954-1962 гг.»)
- Reyes, Hernan (2007). [“The Worst Scars are in the Mind: Psychological Torture.”](#) *International Review of the Red Cross*, vol. 89, № 867, pp. 591-617. («Самые серьезные шрамы - в душе: психологические пытки»)
- Dereymaeker, Gwenaëlle, and Lukas Muntingh (2012). [“Sexual Violence and Torture in International Criminal law.”](#) *Journal of Human Rights Practice*, vol. 4, issue 3, pp. 486-489. («Сексуальное насилие и пытки в международном уголовном праве»)

- Ross, James (2007). "[Black Letter Abuse: The US Legal Response to Torture Since 9/11.](#)" *International Review of the Red Cross*, vol. 89, № 869, pp. 561-590. («Нарушение буквы закона: юридический ответ США на пытки после 11 сентября»)
- Farrell, Michelle (2015). "[Just How Ill-treated Were you? An Investigation of Cross-Fertilisation in the Interpretative Approaches to Torture at the European Court of Human Rights and in International Criminal Law.](#)" *Nordic Journal of International Law*, vol. 84, issue 3, pp. 482-514. («Насколько жестоко с вами обращались? Расследование взаимообогащения подходов к толкованию Европейского суда по правам человека и Международного уголовного суда»)
- De Frouville, Olivier (2011). "[The Influence of the European Court of Human Rights' Case Law on International Criminal Law of Torture and Inhuman or Degrading Treatment.](#)" *Journal of International Criminal Justice*, vol. 9, issue 3, pp. 633-649. («Влияние прецедентной практики Европейского суда по правам человека на международное уголовное право в области пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения»)
- Laguardia, Francesca (2017). "Deterring Torture: The Preventive Power of Criminal Law and its Promise for Inhibiting State Abuses." *Human Rights Quarterly*, vol. 39, issue 1, pp. 189-212. («Предотвращение пыток: превентивная сила уголовного права и его перспектива по препятствованию злоупотреблениям со стороны государства»)
- Marochkin, Sergey, and Galina Nelaeva (2014). "[Rape and Sexual Violence as Torture and Genocide in the Decisions of International Tribunals: Transjudicial Networks and the Development of International Criminal Law.](#)" *Human Rights Review*, vol. 15, issue 4, pp. 473-488. («Изнасилование и сексуальное насилие как пытка и геноцид в решениях международных трибуналов: Транссудебные сети и развитие международного уголовного права»)
- Schabas, William (2006). "[The Crime of Torture and the International Criminal Tribunals.](#)" *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 37, issue 2, pp. 349-364. («Преступление в виде пытки и международные уголовные трибуналы»)
- Amann, Diane M. (2005). "[Abu Ghraib.](#)" *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 153, issue 6, pp. 2085-2141. («Абу-Грейб»)
- Taguba Report (2004). "[Article 15-6 Investigation of the 800th Military Police Brigade.](#)" («Расследование в отношении 800-й бригады военной полиции по статье 15-6»)
- Feldman, David (2008). "[Deporting Suspected Terrorists to Face Torture.](#)" *Cambridge Law Journal*, vol. 67, issue 2, pp. 225-264. («Депортация подозреваемых террористов для применения к ним пыток»)
- Gieger, Stephen (2015). "[Trabelsi v. Belgium: Extradition of Terrorist Suspects and Aversion to Whole-Life Prison Sentences.](#)" *Tulane Journal of International & Comparative Law*, vol. 23, № 2, pp. 573-588. («Трабелси против Бельгии: выдача подозреваемых террористов и неприятие концепции пожизненного заключения»)
- Liese, Andrea (2009). "[Exceptional Necessity - How Liberal Democracies Contest the Prohibition of Torture and Ill-Treatment When Countering Terrorism.](#)" *Journal of International Law and International Relations*, vol. 5, issue 1, pp. 17-48. («Исключительная необходимость – каким образом либеральные демократии оспаривают запрет на применение пыток и жестокого обращения противодействию терроризму»)
- Messineo, Francesco (2013). "[Non-Refoulement Obligations in Public International Law: Towards a New Protection Status.](#)" *The Ashgate Research Companion to Migration Law, Theory and Policy*, Satvinder S. Juss, ed. Ashgate, at pp. 129-155. («Принцип недопустимости принудительного возвращения в международном публичном праве: на пути к новому статусу покровительства»)
- Evans, Malcolm D. (2006). "['All the Perfumes of Arabia': The House of Lords and 'Foreign Torture Evidence'.](#)" *Leiden Journal of International Law*, vol. 19, issue 4, pp.

1125-1144. («Все ароматы Аравии: Палата лордов и «иностранные показания под пытками»)

- Viljoen, Frans, and Chidi Odinkalu (revisions by Lorna McGregor et Jo-Anne Prud'Homme) (2014). [*The Prohibition of Torture and I-II Treatment in the African Human Rights System: A Handbook for Victims and their Advocates. OMCT handbook Series, vol. 3.*](#) Geneva: Всемирная организация против пыток (ВОПП). («Запрет пыток и плохого обращения в правозащитной системе Африки: руководство для жертв и их адвокатов. Серия справочников ВОПП, том 3»)

Оценка учащихся

В данном разделе представлены предложения по заданиям для учащихся после занятия с целью оценки понимания ими модуля. Предложения по заданиям до и во время занятия представлены в разделе «Упражнения».

Для оценки понимания учащимися Модуля, предлагаются следующие задания после занятий:

Вопросы для оценки

Эти вопросы могут послужить основой для индивидуального или группового исследования/обсуждения; или же они могут быть легко адаптированы в вопросы для оценки.

- Предусмотрено ли в уголовном законодательстве вашей страны такое преступление как «пытки»? Если да, то каким образом оно определяется? Каким образом это определение может быть сопоставлено с подходами к определению в рамках различных международных и региональных механизмов, рассматриваемых в данном Модуле? Ограничивается ли его сфера применения государственными служащими или также распространяется на негосударственных акторов?
- Если в законодательстве вашей страны отсутствует такое преступление, какие существуют другие преступления, которые могли бы сформировать основу обвинения в применении пыток или других форм плохого обращения?
- Имеется ли в вашей стране внутреннее законодательство, регулирующее вопросы юрисдикции в связи с преследованием международного преступления пыток, в том числе универсальной юрисдикции?
- Запрещены ли законодательством вашей страны принудительные методы допроса? Если да, то каким образом этот термин определяется, и какие виды обращения попадают под его определение (например, как это определяется национальными судами)?
- Существует ли (в вашем законодательстве) ясный запрет использования свидетельских показаний, полученных с помощью пыток или бесчеловечного, или унижающего достоинство обращения?
- Каким образом право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным гарантируется в вашем законодательстве?
- Существует ли в вашем законодательстве смертный приговор в качестве наказания осуждённым террористам? Если да, то имеются ли какие-либо гарантии по предотвращению применения к таким лицам физических и (или)

психических пыток или плохого обращения? Как эти гарантии согласуются с международными стандартами и обязательствами?

Дополнительные учебные инструменты

В данном разделе приведены ссылки на соответствующие средства обучения, такие как слайды в формате PowerPoint, видеоматериалы, кейсы и другие ресурсы, которые могут помочь лектору преподавать вопросы, охватываемые Модулем. Слайды и другие ресурсы могут быть адаптированы лектором.

- Презентации в формате PowerPoint для Модуля 9 «Запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения» [доступны по ссылке]

Кейсы

- Кейс 1: Принцип невысылки
- Кейс 2: Запрет пыток в контексте Африки
- Кейс 3: Бесчеловечное обращение
- Кейс 4: Отличия пыток от других форм плохого обращения
- Кейс 5: Допустимость доказательств, полученных под пытками
- Кейс 6: Феномен «камеры смертников» и одиночное заключение

Инструменты

Доклады ООН и организаций, не относящихся к системе ООН

- Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания о практике одиночного содержания, [A/66/268](#).
- Специальная редакционная группа Совета Европы по опасным правонарушителям опубликовала подборку прецедентного права Европейского суда по правам человека, в которой анализируются самые важные дела, связанные с обращением в тюрьмах с особенно опасными преступниками, в том числе террористами.
- Доклад [Европейского комитета по предотвращению пыток](#) по вопросу одиночного содержания. [Стамбульское заявление о применении и последствиях содержания в одиночной камере](#), принятое на международном медицинском симпозиуме по психологическим травмам.

Источники принципов и правил «мягкого права»

Наряду с договорными обязательствами и другими правовыми обязательствами в отношении пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, существует также огромное количество принципов и правил «мягкого права», которые служат в качестве дополнительной поддержки и руководства для государств, их должностных лиц, юристов, медицинских работников и других специалистов в отношении пыток и других форм запрещенного обращения.

- ООН, Генеральная Ассамблея (1988). [Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форм.](#) 9 декабря. A/RES/43/13.
- ООН, Генеральная Ассамблея (1990). [Основные принципы обращения с заключенными.](#) 14 декабря. A/RES/45/111.
- ООН, Генеральная Ассамблея (1979). [Кодекс поведения должностных лиц.](#) 17 декабря.
- ООН, Генеральная Ассамблея (1982). [Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.](#) A/RES/37/194.
- ООН, УВКПЧ (2004). *Стамбульский протокол: Руководство для эффективного расследования случаев пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания.* Серия публикаций по вопросам профессиональной подготовки № 8/Rev.1. Женева. Адаптировано Управлением Верховного комиссара по правам человека (2000). [Резолюция 2000/43 Комиссии по правам человека о пытках и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видах обращения или наказания.](#) 20 апреля. E/CN.4/RES/2000/43.
- Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП) собрал аналитические материалы и рекомендации на основе своих визитов в центры задержания в государствах-членах Совета Европы в [Стандартах КПП.](#) CPT/Inf/E (2000).
- В своем [23-м Общем докладе \(ежегодном докладе за 2013 год\)](#) в п. 71-84 Европейский комитет по предупреждению пыток определил стандарты в отношении документирования и составления отчетов по медицинским доказательствам жестокого обращения.
- Jean-Baptiste Niyizurugero, and Patrick Lessene, [Роббен-Айлендские руководящие положения и меры по запрещению и предупреждению пыток в Африке: Практическое руководство по применению](#) (Африканская комиссия по правам человека и народов УВКПЧ, Ассоциация по предотвращению пыток. Аддис-Абеба, 2008). Принято в Резолюции № 61 (2002) Африканской комиссии по правам человека. Американская комиссия по правам человека (2002). [Резолюция по руководящим принципам и мерам по запрету и предотвращению пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видах обращения или наказания в Африке.](#) 23 октября.
- Пытки наказуемы в соответствии с Римским статутом Международного уголовного суда как военное преступление и преступление против человечности. [Элементы преступлений](#) определяют конкретные элементы преступления в виде пыток в целях статей 7(1)(f) и 8(2)(a)(ii), 8(2)(c)(i) Статута. Международный уголовный суд, Элементы преступления (Гаага, 2011).

Другие источники

Существует ряд неправительственных организаций, специализирующихся на вопросах запрета пыток и связанных нарушений, которые могут иметь различные полезные материалы, как например:

- [REDRESS Международный реабилитационный совет жертв пыток](#)
- [Всемирная организация против пыток](#)
- [Центр для жертв пыток](#)

Помимо этого, многие другие неспециализированные неправительственные организации также занимаются вопросами, связанными с применением пыток, например:

- [Amnesty International](#)
- [Human Rights Watch](#)
- [Human Rights First](#)
- Национальные комиссии/институты по правам человека.

Библиография

Дела

- Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧН)
 - [Национальная комиссия по правам и свободам человека против Чада](#), Сообщение № 74/1992, 11 октября 1995 г.
 - [International PEN, Constitutional Rights Project, Civil Liberties Organisation u Interights \(от имени Кена Сапо-Вива мл.\) против Нигерии](#), Сообщение № 137/1994, 139/1994, 154/1996 и 161/1997. 31 октября 1998 г.
 - [Huri-Laws против Нигерии](#), Сообщение № 225/1998. 6 ноября 2000 г.
 - [Куртис Франсис Добблер против Судана](#), Сообщение № 236/2000. 4 мая 2003 г.
 - [Пурохит и Мур против Гамбии](#), Сообщение № 241/2001. 29 мая 2003 г.
 - [Zimbabwe Human Rights NGO Forum против Зимбабве](#), Сообщение № 245/2002. 15 мая 2006 г.
 - [Article 19 против Эрмпреу](#), Сообщение № 275/2003. 30 мая 2007 г.
- Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ)
 - [Греческое дело](#) (Заявление №. 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67). Ежегодник Европейской конвенции по правам человека, № 12.
 - [Дело Ирландия против Соединенного Королевства](#) (Заявление № 5310/71), Решение от 18 января 1978 г., Series A, № 25.
 - [Дело Тайлер против Соединенного Королевства](#) (Заявление № 5856/72), Решение от 25 апреля 1978 г., Series, A, № 26.
 - [Дело Томаси против Франции](#) (Заявление № 12850/87), Решение от 27 августа 1992 г., ЕСПЧ, Series A, № 241-A.
 - [Дело Чахал против Соединенного Королевства](#) (Заявление № 22414/93), Решение (Большой палаты) от 15 ноября 1996 г.

- [Дело Аксой против Турции](#) (Заявление № 21987/93), Решение от 18 декабря 1996 г.
- [Дело Айдын против Турции](#) (57/1996/676/866), Решение от 25 сентября 1997 г.
- [Дело Осман против Соединенного Королевства](#) (87/1997/871/1083), Решение от 28 октября 1998 г.
- [Дело Селмуни против Франции](#) (Заявление № 25803/94), Решение от 28 июля 1999 г.
- [Дело V. против Соединенного Королевства](#) (Заявление № 24888/94), Решение от 16 декабря 1999 г., Series A, № 9.
- [Дело Кудла против Польши](#) (Заявление № 30210/96), Решение от 26 октября 2000 г.
- [Дело Пиирс против Греции](#) (Заявление № 28524/95), Решение от 19 апреля 2001 г.
- [Дело Саади против Италии](#) (Заявление № 37201/06), Решение от 28 февраля 2008 г.
- [Дело Ксирос против Греции](#) (Заявление № 1033/07), Решение от 9 сентября 2010 г.
- Межамериканская комиссия по правам человека (МАКПЧ)
 - [Лизардо Кабрера против Доминиканской Республики](#), Дело 10832, Доклад № 35/96. 19 февраля 1998 г. OEA/Ser.L/V/II.98 doc. 6
- Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ)
 - [Годинез-Круз против Гондураса](#), Решение от 20 января 1989 г., Series C, № 5.
 - [Ракель Марти де Мейха против Перу](#), Дело 10.970, Доклад № 5/96. 1 марта 1996 г. OEA/Ser.L/V/II.91 Doc. 7.
 - [Дело Лойаза Тамайо против Перу](#), Решение от 17 сентября 1997 г. (По существу дела).
 - [Дело Веласкеса Родригеса](#), Решение от 29 июля 1988 г., Series C, № 4.
 - [Дело Братья Гомез-Пакийари против Перу](#), Решение от 8 июля 2004 г., Series C, № 110
 - [Дело Тиби против Эквадора](#), Решение от 7 сентября 2004 г., Series C, № 114.
 - [Дело Хименес-Лопес против Бразилии](#), Решение от 4 июля 2006 г., Series C, № 149.
 - [Дело Гонсалес и другие \("Cotton Field"\) против Мексики \(Предварительные возражения, по существу дела, компенсациям и издержкам\)](#), Решение от 16 ноября 2009 г.
- Международный уголовный трибунал по Руанде
 - [Прокурор против Акаесу](#), Решение (Судебная камера), 2 сентября 1998 г., ICTR-96-4-T.
 - [Прокурор против Мусема](#), Решение (Судебная камера I), 27 января 2000 г., ICTR-96-13-A.
- Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии
 - [Прокурор против Делалича и других](#), Решение (Судебная камера), 16 ноября 1998 г., IT-96-21-T.
 - [Прокурор против Фурунджия](#), Судебная камера, Решение (Судебная камера), 10 декабря 1998 г., IT-95-17/1-T.
 - [Прокурор против Алексовски](#), Решение (Судебная камера I), 25 июня 1999 г., IT-95-14/1.
 - [Прокурор против Кунараца, Ковача и Вулковича](#), Решение (Судебная камера), 22 февраля 2001 г., IT-96-23-T и IT-96-23/1-T.

- [Прокурор против Квочки и других](#), Решение (Судебная камера), 2 ноября 2001 г., IT-98-30/1-T.
- [Прокурор против Крнжелача](#), Решение (Судебная камера), 15 марта 2002 г., IT-97-25-T.
- [Прокурор против Кунараца, Ковача и Вулковича](#), Решение (Апелляционная камера), 12 июня 2002 г., IT-96-23 & IT-96-23/1-A.
- [Прокурор против Брджанина](#), Решение (Судебная камера II), 1 сентября 2004 г., IT-99-36.
- Судебный комитет Тайного совета Ямайки
 - [Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки](#) (Апелляция Тайного совета № 10 от 1993 г.), Решение от ноября 1993 г., 2 AC 1.
- Специальный суд по Сьерра-Леоне
 - [Прокурор против Алекса Тамба Брима, Брима Баззи Камара и Сантиджи Борбор Кану](#), Решение (Судебная камера II), 20 июня 2007 г., SCSL-04-16-T.
- Верховный суд Индии
 - [Шатругхан Шаухан против Индийского совета](#), 1 Ходатайство (уголовное) № 55 от 2013 г., Решение от 21 января 2014 г., 3 SCC 1.
- Верховный суд США
 - [Хамадан против Рамсфелда](#), Решение от 29 июня 2006 г., № 05-184, 548 US 557.

Конвенции

- [Женевские конвенции](#). Депозитарий международного договора, том 75, стр. 31, стр. 85, стр. 135 и стр. 287, 12 августа 1949 г.
- [Международный пакт о гражданских и политических правах](#). Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г., Депозитарий международного договора, том 999, стр. 171 и том 1057, стр. 407.
- [Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов \(Протокол I\)](#). Депозитарий международного договора, том 1125, № 17512, 8 июня 1977 г.
- [Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов \(Протокол II\)](#). Депозитарий международного договора, том 1125, № 17513, 8 июня 1977 г.
- [Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания](#). Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г., Депозитарий международного договора, том 1465, стр. 85.
- [Римский статут Международного уголовного суда](#). Рим, 17 июля 1998 г., том 2187, стр. 3.

Доклады, комментарии и руководства

- АКПЧН (2017). [Замечание общего порядка № 4 \(Африканская хартия прав человека и народов: Право на компенсацию для жертв пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания \(статья 5\)\)](#). 23 февраля - 4 марта 2017 г. Банджул.
- Amnesty International (2007). [Положение в области прав человека в мире](#). 23 мая.
- Совет Европы (2005). [Руководящие принципы Совета Европы в области прав человека и борьбы с терроризмом](#). Страсбург: Главное управление по правам человека.

- Совет Европы, Комитет по предотвращению пыток (2011). [21-й Генеральный доклад КПТ: 1 августа 2010 г. - 31 июля 2011 г.](#) Страсбург: КПТ. 10 ноября.
- Совет Европы, Европейская Комиссия (1973). Дело граждан восточноафриканских стран азиатского происхождения против Соединенного Королевства № 4403/70. Доклад Комиссии от 14 декабря.
- Европейский суд по правам человека (2018). *Терроризм и Европейская конвенция по правам человека: Бюллетень*. Май.
- Human Rights Watch (HRW) (2004). [Дорога в Абу-Грейб: Политика уклонения от норм международного права](#). 8 июня.
- МАКПЧ (2002). [Доклад о терроризме и правах человека](#). 22 октября. OEA/Ser.L/V/II.116, Doc. 5 rev 1 corr, 2003.
- Международный комитет Красного Креста) (МККК). [Норма 90. Запрещаются пытки, жестокое или бесчеловечное обращение и посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение](#).
- Международный уголовный суд (2011). *Элементы преступлений*. Гаага: МУС.
- [Стамбульское заявление о применении и последствиях содержания в одиночной камере](#). Принято 9 декабря 2007 г. на Международном симпозиуме по психологическим травмам, Стамбул.
- Комиссия по правым вопросам Индии (2017). [«Реализация Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания посредством законодательства» Доклад № 273](#), октябрь.
- Niyizurugero, Jean-Baptiste, and Patrick Lesséne (2008). [Роббен-Айлендские руководящие положения и меры по запрещению и предупреждению пыток в Африке](#). Аддис-Абеба: Ассоциация по предотвращению пыток.
- Департамент юстиции США, служба юрисконсульта (2002). [Меморандум для Альберто Р. Гонзалеса, Советника Президента, и Уильяма Дж. Хайнеса II, Генерального советника Министерства обороны: Применение договоров и законов в отношении задержанных членов «Аль-Каиды» и «Талибана»](#). Вашингтон, О.К.: Канцелярия помощника Генерального прокурора. 22 января.

Материалы ООН

- ООН, Комитет против пыток
 - (1998). [GRB против Швеции](#), Сообщение № 83/1997. 15 мая. CAT/C/20/D/083/1997.
 - (1999). [Садик Шек Элми против Австралии](#), Сообщение № 120/1998. 25 мая. CAT/C/22/D/120/1998.
 - (2002). [Маркос Ройтман Розенманн против Испании \(Решение о приемлемости\)](#), Сообщение № 176/2000. 30 April. CAT/C/28/D/176/2000.
 - (2003). *Заключения и рекомендации Комитета против пыток: Бельгия*. 23 июня. CAT/C/CR/30/6.
 - (2004(a)). [Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции. Заключения и рекомендации Комитета против пыток: Йемен](#). 5 февраля. CAT/C/CR/31/4.
 - (2004(b)). [Заключения и рекомендации Комитета против пыток: Соединённое Королевство](#). 10 декабря. CAT/C/CR/33/3.
 - (2005). [Ахмед Хуссейн Мустафа Камил Агиза против Швеции](#), Сообщение № 233/2003. 24 мая. CAT/C/34/D/233/2003.
 - (2006). [Заключения и рекомендации Комитета против пыток: США](#). 25 июля. CAT/C/USA/CO/2.

- (2008). [Замечание общего порядка № 2: Реализация государствами-участниками статьи 2](#). 24 января. CAT/C/GC/2.
- ООН, Экономический и Социальный Совет, Комиссия по правам человека
 - (1986). [Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания. Доклад Специального докладчика, г-на Р. Куижманса](#). 19 февраля. E/CN.4/1986/15.
 - (1992). [Краткий отчет о 21-м заседании](#). 21 февраля. E/CN.4/1992/SR.21.
 - (1995). [Вопрос о правах человека применительно ко всем лицам, подвергаемым задержанию или тюремному заключению в какой бы то ни было форме, в частности: пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания. Доклад специального докладчика, г-на Найджела Родли](#). 12 января. E/CN.4/1995/34.
 - (2005). [Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания. Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках, г-на Манфреда Новака](#). 23 декабря. E/CN.4/2006/6.
- ООН, Генеральная Ассамблея
 - (2005). [Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания](#). 30 августа. A/60/316.
 - (2011). [Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания](#). 5 августа. A/66/268.
- ООН, Комитет по правам человека
 - (1989). [Мнения Комитета по правам человека в соответствии со статьей 5, пункт 4 Факультативного протокола Международного пакта, Сообщение № 265/1987](#). 2 мая. ССРР/С/35/Д/265/1987.
 - (1990). [Уайт против Мадагаскара](#), Сообщение № 115/1982. ССРР/С/ОР/2.
 - (1992). [Замечание общего порядка № 20: Статья 7 \(Запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания\)](#). 10 марта. A/44/40.
 - (1993) [Томас против Ямайки](#), Сообщение № 321/1988. 3 ноября. ССРР/С/49/Д/321/1988
 - (1994) [Муконг против Камеруна](#), Сообщение № 458/1991. 21 июля. ССРР/С/51/Д/458/1991.
 - (1998(a)). [Домуковский против Грузии](#), Сообщение № 623, 624, 626, 627/1995. 6 апреля. ССРР/С/62/Д/623, 624, 626 & 627/1995.
 - (1998(b)). [Дейдрик против Ямайки](#), Сообщение № 619/95. 4 июня. ССРР/С/62/Д/619/1995
 - (2002). [MPS против Австралии](#), Сообщение № 138/1999. A/57/44.
 - (2004(a)). [Замечание общего порядка № 31: Характер общего юридического](#)
 - [обязательства, налагаемого на государства-участников Пакта](#). 26 мая. ССРР/С/21/Rev.1/Add.13.
 - (2004(b)). [Заключительные замечания Комитета по правам человека: Бенин](#). 1 декабря. ССРР/СО/82/BEN.
 - (2006). [Мохаммед Алзери против Швеции](#), Сообщение № 1416/2005. 10 ноября. ССРР/С/88/Д/1416/2005.
 - (2011). [Джири против Непала](#), Сообщение № 1761/2008ССРР. 27 апреля. ССРР/С/101/Д/1761/2008.
 - (2012). [Эль Хагог Джумаа против Ливии](#), Сообщение № 1755/2008. 10 июля. ССРР/С/104/Д/1755/2008/Rev1.
- Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)

- (2014). [Права человека и меры реагирования системы уголовного правосудия на терроризм](#). Нью-Йорк: ООН.
- (2017). [Кения: Права человека и меры реагирования системы уголовного правосудия на терроризм](#). Нью-Йорк: ООН.
- ООН, Управление Верховного комиссара по правам человека (2017). [Комитет против пыток изучает доклад Камеруна](#). 9 ноября.
- ООН, Управление Верховного комиссара по правам человека, Комитет по правам человека (1982). [Замечание общего порядка № 6: Статья 6 \(право на жизнь\)](#). 30 апреля.

UNODC

United Nations Office on Drugs and Crime

Vienna International Centre, P.O. Box 500, 1400 Vienna, Austria
Tel.: (+43-1) 26060-0, Fax: (+43-1) 26060-3389, www.unodc.org

